

Весь гонорар за эту книгу автор перечисляет в благотворительный фонд содействия решению проблем аутизма «Выход».

#ДЖОН ШЕМЯКИН

*Звезда соцсетей:
более 70 000
восторженных
подписчиков!*

ДИКАЯ ИСТОРИЯ

ДИКОГО БАРИНА

Джон Шемякин

**Дикая история дикого
барина (сборник)**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шемякин Д. А.

Дикая история дикого барина (сборник) / Д. А. Шемякин — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-101414-8

«Вот читаешь, к примеру, какие-то тексты. И видишь, что у одного автора мысли в тексте бредут, как колонны военнопленных по сгоревшей столице империи. У другого же текст как заседание трибунала где-то под Падудей, в году, скажем, 1567. Все очень дисциплинированно, но с огоньком таким. У третьего – ежата бегут за зайчатами. У четвертого мысль одна, но он ее так гоняет шваброй по подвалу, что за облезлой и не уследишь. Пятый химичит, смешивает то одно, то другое, и зеленый ассистент волочит по кафелю за ноги предыдущего дегустатора. Шестой дрессирует визжащие соображения в клетке. Седьмой ведет в ночи протокол допроса целого табора цыган, подпевая у пестрых кибиток наиболее удачным формулировкам. У кого как, короче говоря. А у меня шапито на пустынном берегу, я дубасю в барабан, не очень тактично прижимая к поясу свободной рукой чумазую мальвину, холодный песчаный ветер с холмов рвет ленты и шарик».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101414-8

© Шемякин Д. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Дикая история	7
Новости дня	7
Возможности	8
Посольства	10
Папиросы	12
Нью-Йорк, 1860	15
Сериалы Рима	16
Выставка	17
Господи помилуй!	19
Собеский	20
Ацтеки	21
Техас	23
Credo	25
Фэнтези	26
Нападение на Чебоксары	27
Гравюра	29
Пугачёв	30
Брачный контракт	31
Людовик XIII	34
Долго ли терпеть?	36
Мидас	38
Итальянцы открывают Россию	39
Представитель организации	42
Рускому языка	44
Петр на карусели	48
«Баунти»	50
В штатском	52
Драматургия	54
Почтмейстеры	55
Генерал	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джон Шемякин

Дикая история дикого барина

© Д. Шемякин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Дикая история

Новости дня

Например, на вопрос о том, какими должны быть газеты в меняющемся мире, исповедался, стуча по столу финкой меж пальцев, так.

Когда русские в 1913 году решили издавать газету в Монголии, то в первом номере первой монгольской газеты сообщили потрясённой монгольской общественности о шарообразности Земли и о наличии сторон света.

В разделе «Новости дня».

На фоне этих откровений сообщение о фактической аннексии Российской империей Монголии казалось совершенно рядовым, даже каким-то заурядным.

Возможности

Мне всегда нравились истории про возможности. Хотя воспитывали меня в суровой этике абсолютной предопределённости неизбежного наказания. Как я, будучи сущим малюткой, ни юлил, как ни хитрил, как ни посыпал следы махоркой и перцем, всякий раз меня ловили и подвергали болезненному воздаянию. Уже, казалось бы, всё! Укрылся после совершенного злодеяния, запутал и заморочил погоню, ан нет – выволакивают за неокрепший, но уже облезлый хвост из норы и снова, держа за шкирку, вразумляют.

У бога Педагогия я числился в чёрных штрафниках и первых отступниках. Именно я во главе легиона непослушных и злобных мальчиков и девочек должен был дать последний бой добрым силам учительского света, именно я должен был сразить десять тысяч педагогических праведников в боевых вязаных кофтах и снести голову с плечей наёмным Песталоцци и Каменскому, пригвоздить к колеснице Ушинского и пороховницей выбить из седла куренного атамана Макаренку.

Кстати, уверен, что так всё и будет. Я вам такого Питера Пена выдам – мёртвые будут завидовать консервам!

Как и любой злодей, я люблю читать про всякие возможности. Про то, что чуть-чуть не дотянуло до события, вехи или переломного момента. Всякий раз переживаю: ну? давай, милый, давай! Ещё чуть-чуть, и наступит всем крошечный ужас, гражданская война и реки без берегов, наддай, хороший!

И, в сотый раз убедившись, что даже при сотом прочтении ничего не поменялось в окружающем меня мире, понятно, расстраиваешься.

Ну как не огорчиться, читая в «Записках» графа Корфа про полковника Богданова?

Жил себе вполне полковник Богданов, который числился по министерству путей сообщения под чутким руководством известного всем Клейнмихеля. Сам Клейнмихель ещё со времени своей службы при особе Аракчеева скучать не любил и другим не давал. По молодости вместе с Аракчеевым хоронили графскую сожительницу Минкину, потом выкапывали ее, клали ей в гроб ценности, закапывали, потом снова выкапывали, срывали с неверной ценности и снова закапывали. Дельным был Клейнмихель ассистентом по семейным делам.

В зрелые годы Клейнмихель под руку с царём Голодом строил железную дорогу, по которой потом ездил измождённый поэт Некрасов и рассказывал, трясая бородой, мальчику и его милому папаше особенности подрядного строительства. А в промежутках между гробами и шпалами Клейнмихель мучил полковника Богданова. И ладно бы физически его истязал! Нет, окаянный граф Клейнмихель цинично и грязно воровал на глазах у честного и чистого Богданова денежные средства в особо крупных размерах.

От наблюдения за хищениями начальства, от ужаса, что такие деньги просто пролетают мимо, Богданов «постепенно потерял рассудок от несправедливостей...».

И вот в апреле 1843 года полковник Богданов пришел к министру внутренних дел Перовскому. Тогда это было ещё возможно – зайти к министру внутренних дел, сверить маршруты, уточнить методы. При себе, кроме безумия, Баранов принёс два пистолета и кинжал. Любой из нас на месте Богданова немедленно открыл бы огонь на поражение по министру, но Баранов решил приберечь министра на крайний случай и произнёс речь, которую после пересказывал всем «поседевший и часто смеющийся» Перовский.

«Ваше превосходительство преследуете и истребляете мелких мошенников, а между тем терпите безнаказанно главных государственных воров, как-то: Клейнмихеля и тому подобных. Я пришел предложить вам услуги и содействие против них, и вот оружие, которым намереваюсь действовать; примите меня только поскорее под ваше начальство».

Вот такая речь, сопровождаемая показом пистолетов и кинжала. Министр Перовский, не сводя глаз с двух пистолетных дул, зачарованно внимал клевете на своих лучших друзей. А потом проявил министерскую хитрость. Говорит, я всё понял, мигом несись к своему бывшему начальству, считай, что ты уже принят, возьми с собой записку от меня, и до встречи в горниле борьбы с коррупцией! Да, и пистолетики оставь, ты ими себя выдаешь, коррупционеры попрячутся, ищи их потом!

Полковник согласился и с запиской кинулся к бывшему начальству. Но по дороге записку решил прочесть. Открывает её, а там просто чистый лист бумаги!

Вот опять, что бы мы сделали на его месте? Написали бы в Твиттер. А Богданов отправился в первый же унтер-офицерский караул, потребовал там, именем государя, часового с ружьём и кинулся, сверкая эполетами, обратно к лукавому министру внутренних дел.

Министр внутренних дел Перовский от полковника Богданова заперся в кабинете на ключ. Баранов, в свою очередь, запер на ключ дежурного адъютанта и поставил прихваченного с собой часового с ружьём у дверей, за которыми томился министр. Часовому полковник дал команду стрелять на поражение по всякому, кто попыбует войти или выйти из кабинета. Иными словами, самое главное министерство империи, оплот самодержавной власти, орган кошмарного устрашения миллионов подданных, было захвачено двумя человеками – честным психопатом и обалдевшим от происходящего унтер-офицером с ружьём.

Кстати сказать, министр из своего кабинета не высывался, шуршал там чем-то тихонько, пока Богданов осуществлял свой план. А план у Богданова был: полковник «... побегал в Зимний дворец и по дороге мимо Энгельгардтова дома, перед которым, по случаю концерта в нем, находилась полиция, забрал – опять именем государя – четырёх жандармов и в сопровождении их явился на главную гауптвахту, требуя немедленного допуска к государю».

До совершения государственного переворота с помощью четырёх жандармов оставались считанные часы: министерство внутренних дел захвачено, дело за малым. В этом месте я обычно и кричу Богданову: давай, хороший, наддай, ещё чуть-чуть!.. Что там ещё раненому Чапаеву в кино дети кричали?!

Но дальше Богданова ждали неудачи. На главной гауптвахте, которую Богданов тоже захватил, с ним начали «долгие переговоры» с участием обер-полицмейстера и коменданта (министр из запертого в своём же министерстве кабинета носа не казал). Тут бы Богданову захватить заложников и начать их убивать, но времена тогда были дикие, люди друг другу ещё как-то доверяли на слово. В ходе переговоров на Богданова навалились комендант и обер-полицмейстер, и империя была спасена.

Потом все гурьбой кинулись спасать министра. Богданова отвезли в больницу. А храбрый обер-полицмейстер Александр Александрович Кавелин, воспитывавший в своё время на пару с Жуковским будущего Александра II, сойдёт с ума немного позже. Как писал князь Вяземский к Жуковскому: «Знаешь ли ты, что твой приятель Кавелин немного рехнулся и наконец уволен от должности... он месяца два колобродил, сажая встречного и поперечного на съезжую в исправительный дом, ругался, придирался ко всем и всё-таки управлял городом. Россия – баба-здоровяк. Ничем не проймёшь её, ни Наполеоном, ни Кавелиным, стоит себе, крестится и не унывает. Нежно обнимаю тебя».

Посольства

Одной из задач молодой Санкт-Петербургской полиции в XVIII веке было сбережение города на Неве от иностранных посольств.

Город был молодой, неокрепший, а посольств было много. В каждом иностранном посольстве творились какие-то несусветные причуды. Не то чтобы при пересечении государственной границы посольства массово сходили с ума от впечатлений, предоставляемых нашей Родиной. Но какие-то подвижки в сознании происходили.

Шведы завели себе в посольстве медведей, которых стали ещё и разводить.

Австрийцы принялись подделывать «ефимки с признаками», завладев старым штампом для перечеки.

Французы крали коней.

В 1736 году сотрудники персидского посольства, располагавшегося на Мойке у Зелёного (Народного) моста, сели покурить.

«...Через полчаса дом пылал. Пламя распространилось с чрезвычайной быстротой и вскоре охватило многие деревянные здания на берегу Мойки и Гостиный двор (это на Невском уже). Пожар продолжался восемь часов и истребил все здания от Зелёного моста до церкви Вознесения».

Всего сгорело тогда 10 % деревянного Санкт-Петербурга. Многие погорельцы стали искать эвакуировавшееся персидское посольство, которое спрятали в монастыре. Невский монастырь пришлось потом заново святить. По результатам пожара в городе будущих трёх революций впервые ввели государственное нормирование продажи продовольствия: 16 видов товаров народного потребления – от мёда до гречи.

Не успели пережить иранскую народную дипломатию, как 6 июня 1737 года на крыше дома, стоявшего между дворцом цесаревны Елизаветы Петровны и помещением, занимаемым посольством Пруссии, нашли мину в виде горшка, набитую порохом и горючими материалами. К горшку прилагался запал. Это уже не просто поджог, тут теракт форменный намечался.

Полиция и Тайная канцелярия стали петрушить подозреваемых. Только вышли на сотрудника посольства короля Пруссии по фамилии Ранке, только стали думать, как бы его скрасть для беседы, как 24 июля окрестности посольства Пруссии полыхнули с двух концов. Было это в районе Миллионной. Горело до Мойки, до Невы, до Царицына луга и до Адмиралтейства. Дипломат Ранке исчез. Его потом во Франции за шпионаж повесят.

Глядя на французов с конями, австрийцев со штепселем, персов-поджигателей и террористов-немцев, другие посольства не отставали. Англичане не отставали больше всех. Они повадились стрелять из окон посольства. Не очень целясь по прохожим, но регулярно.

Глядя на англичан, постреливать в домах стали и коренные петербуржцы, дети псковских и новгородских переселенцев.

Под перекрёстным огнём из английского посольства и обывательских домов полиция ловкими скачками бегала по городу за конокрадами из французского посольства, следя искоса за притихшим посольством Пруссии. Персидское посольство из монастыря давно попросили, и оно расположилось шатрами у Летнего сада, там было легче прокормить посольских верблюдов, обросших в России дополнительной шерстью.

У петербуржцев стали изымать огнестрельное оружие. Опубликовали объявление: «Чтобы впредь никто, кроме иностранных послов, посланников и прочих министров, в домах своих ни из какого ружья, как по обязанности, так и для забав, не смел стрелять». Посольствам стрелять из окон не запретили – неудобно. Но установили перед посольствами

первый в истории дипломатии «явный полицейский караул», который гонял жителей столицы от посольств.

Не успели перевести дух, подало о себе весть посольство Польши: разбили огороды перед резиденцией графа Грабиенки. Голландское посольство завезло коров. Всё это в двух шагах от императорской резиденции.

Полиция ловила по городу россиян, пробравшихся в столицу без паспортов «для следования в столицу». Изловленных «убогих, слепых, дряхлых и увечных, купно и с прочими чудаками и к художествам склонным» бросили на объект века: осушение болот от Лиговского канала до Невского монастыря для организации общегородских огородов и выпасов. Известный потомственный мелиоратор, фельдмаршал и покоритель Крыма Миних Бурхард Христофорович оставил по себе расчеты огородного парадиза.

Чтобы посольские не орали, в образовавшийся огородный рай стали свозить навоз из всех возможных мест. Чтобы с огородов не воровали, завезли туда и людей для жительства. Завезённые жители Лиговки встретились со строителями лиговского чуда (убогими, слепыми, увечными и художественными чудаками), которые за ненадобностью совсем уж заскучали. Встреча вышла непростой.

Рядом с огородами построили полицейскую караульню. Понаблюдав за развитием событий, полиция к караульне пристроила и небольшую тюрьму, ставшую на долгое время центром лиговской культурной жизни и наложившей некоторый отпечаток на облик лиговского жителя. После к тюремке пристроили мертвецкую. И всё это из-за каких-то поляков с голландцами. Целый район выстроили, ландшафт вручную изменили, повернули вспять течение каналов.

Испанцы из окон своего посольства спекулировали мартышками. Всё бы ничего, но ожесточённая мартышечная торговля и прочие эффекты от процесса мартышечного размножения и взросления происходили напротив резиденции петербургского архипастыря Иеринея. Мартышки часто убегали из своего испанского концлагеря и искали убежища у православных. Полиция ловила мартышек. Мартышки скакали по подворью между богомольцами, выбрав свободу. Богомольцы разносили по всей Руси доподлинные сведения о том, что видели в Санкт-Петербурге живых чертей. За это богомольцев Тайная канцелярия крутила и отправляла на восток.

Посольство Ганновера вербовало среди неустойчивых питерцев рекрутов для продажи в Англию и последующей отправки в восставшие американские колонии. Вербовка происходила по кабакам, рекруты приходили в себя уже на кораблях по пути в Гамбург.

Полиция ввела запрет на совместное распитие спиртных напитков подданных империи и иностранцев. Пить с иностранцами могли только те, у кого на изнанке кафтана стояла специальная печать обер-полицмейстера, так называемое «доброе клеймо». Это помогало не очень.

Ганноверцы сбивали с пути и проверенных бойцов невидимого фронта. Однажды на корабле в Гамбург очнулись агенты сыска Михайло Шишлаков, Игнатий Толкачёв и Михайло Мальцев, о котором в именном списке петербургской полиции говорилось «грамоте и по латыни знает, токмо шумен, вор и пьяница».

Шишлаков сбежал уже в Гамбурге, потом пробыл год с лишним к своим. Толкачёв отправился служить на острова Карибского моря, потом дезертировал к испанцам, и следы его теряются на Кубе. А Мальцев организовал в Лондоне контору по проведению собачьих боёв, был впоследствии сотрудником английской полиции, боксёром-профессионалом, сидел на цепи в тюрьме, а закончил жизнь в Италии библиотекарем кардинала Пиориззи.

Встречался с Казановой, который собирался переезжать в Россию.

Советовал обязательно, обязательно ехать.

Папиросы

Всем отчего-то кажется, что обезжиренное, лёгкое и с низким содержанием придумано только для них, вчера и под натиском индустрии здоровья.

Всем кажется, что только они такие умные, а люди века девятнадцатого только и делали, что жрали жирное, пили крепкое, курили ядрёное, носили с начёсом, лица вытирали спиртом.

С точки зрения кормящих многих приятных людей наук, такое отношение к прошлому абсолютно естественно и уходит корнями в первобытные страхи возвращения Папы, страшных Стариков, мстительных покойников. В нынешних условиях опасение возвращения на этот свет людей, которые жрали камни и имели по сто рук, а ресницами забивали гвозди, трансформировалось в понимание, что всё здоровое, лёгкое, полезное появилось вот только что.

Как вы уже догадываетесь, я, поддёргивая треники под профессорской мантией, уже лезу по головам слушателей к переносной кафедре.

29 апреля 1844 года впервые в России министерство финансов заговорило о появлении на рынке «особого рода бумажных сигар, называемых папиросами». Папиросы в России стала производить фабрика А. Ф. Миллера. Потом к делу подключились остальные. И сразу же на рынке появились папиросы двух сортов: крепкие (их часто называли турецкими) и слабые («лёгкие»).

Слабые папиросы выпускали под маркой «Maryland Doux». Естественно, что крепкие папиросы эксплуатировали образ мужественности, дружбы, романтики и простоты. А слабые папиросы принялись обживать мир под лозунгами расслабления, неги, заботы о себе, тончённости и заграничности.

Первые лёгкие русские папиросы стал производить, понятное дело, иностранец, француз Морнэ. Корявые руки рабочих его мануфактуры крутили лёгкие папиросы размером пять дюймов. Потому что ясно же всем на свете продавцам, что лёгкость папирос-сигарет должна компенсироваться длиной. Лёгкие папиросы должны быть хоть чуть-чуть, но длиннее крепких.

Понятно, что лёгкие и стоять должны дороже. Так покупатель крепче верит в то, что они настоящие лёгкие, не фуфло. Так появились дорогие лёгкие папиросы «Ле Каир» и «Египет». Они были не только длиннее, но и тоньше прочих. Типичный образчик для здорового курения.

В конкуренции на рынке лёгких папирос стали проявляться всё более заковыристые новации. Для пущего облегчения в гильзы стали вставлять сначала просто комочки промочашки, потом эти комочки превратились в шарики, потом эти шарики стали ароматизировать («соусировать») чем хочешь: от кофе до ванили. Такие папиросы назывались «Сильфида» или «А ля Кристин», и курили их дамы-эмансипе и эстеты.

Имея в ассортименте крепкие и лёгкие, русские табакопроизводители задумались: а чего им еще не хватает для полноты картины и улучшения сбыта? Правильно. Должны появиться ещё и элитные папиросы. Чтобы от цены дух захватывало, чтобы их покупали для форса, подчёркивая аристократичность вкуса и возможности бюджета.

Появились папиросы «заказные», которые покупатель заказывал, исходя из своих вкусов, рецептов смесей и желаемого оформления. Открываешь портсигар, а там на папиросах золотой вязью: «Апофеоз Крынкина» или «Босфорские Шемякина». Сразу видно – курит такое человек весомый, нестандартный, с развитым чувством прекрасного.

Многие думают, что встречающиеся в романах тех лет «пахитоски», которые курят нервные графини и роковые баронессы, это папироски. Нет. Пахитоски, иначе именуемые

«кедера» (с ударением на последний гласный звук, от французского «крысиный хвост»), – это мелко резанный табак, завёрнутый не в бумагу, а в кукурузный лист. Чувствуете колоссальную разницу?! Поэтому папироски – это для быдлогана мелкотравчатого, а пахитоски – для элитного потребителя. О том, что с этим кукурузным листом в пасти он похож на Михеича с-под Полтавы или игуану, элитный потребитель не задумывался, очарованный исключительностью товара.

Табачные фабриканты XIX века выпускали и профильные продукты (что значит отсутствие удушающего монополизма янки!). Папиросы для студентов и гимназистов «Антракт» на три затяжки, пока перерыв или пока не застучали. Папиросы для протестующих были в продаже. Они назывались «Трезвон», отличались доступностью («Папиросы «Трезвон», три копейки вагон») и изображением на пачке колокола, пламени и петуха. Колокол шёл от «Колокола» Герцена (родственники которого, кстати, тоже выпускали папиросы), пламя – от понятных желаний, наличие петуха несколько смущает, но несильно. Где трезвон, там и петух, в общем-то.

В противовес петушину «Трезвону» на той же фабрике Бастанжогло беспринципно выпускались папиросы «Царские», «Сенаторские», «Гербовые». Патриоты курили «Скобелевские». Были папиросы «Успех» и «Небывалые». Интеллигентные люди курили «Мемфис». «Мемфис», когда он был в продаже, курил, например, М. Л. Лозинский, когда был редактором журнала «Гиперборей». Георгий Иванов писал: «Выходит Михаил Лозинский, покуривая и шутя, с душой отцовско-материнской выходит Михаил Лозинский, рукой лелея исполинской своё журнальное дитя». Папиросы с пляшущим мужиком назывались «Народные», а с полуголой бабой – «Бабочка». Креативщики тогда тоже были с юмором. Хотя курили только табак.

Ф. М. Достоевский курил папиросы «Лаферм» – «Деревенские», или папиросы фирмы «Саатчи и Мангуби». Дорогие. Но, как почётный Солженицын той поры, Фёдор Михайлович изредка демонстрировал, что арестант он старой школы, и пепел стряхивал в пустую консервную банку. Наблюдатели отмечали, что банки эти консервные были разными, но всегда от дорогих или испанских сардин, или французских миног (три рубля банка).

Видели Достоевского и с книжкой, написанной анонимом В.В. под названием «Курите, сколько хотите». Со страницы 42 этой книжки я могу зачесть вслух простые, но мудрые строки: «Ни телесные упражнения, ни различные игры, ни пение, ни игра на музыкальных инструментах во многих случаях не могут заменить курение уже потому, что они утомительны». Мастерство ныне покойного А. Карра было тогда не востребовано. Но общий подход: напиши книгу – продай её – убеди, что курить (вредно-полезно) – использовался и тогда. Просто рекламщики-аферисты не назывались специалистами по НЛП.

Естественно, что как только появилось табачное лобби, немедленно появилось специально обученное антитабачное лобби. В Одессе в 1898 году была, например, выпущена книга (размером с пачку папирос, оформленная как пачка папирос), в которой рекламировалось «средство в виде обычной карамели. При держании во рту ощущается как бы запах табачного дыма и вкус табака, а потом табачный дым делается противным». Средство называлось «Не кури». Сосали его тысячи людей. И сейчас, уверен, многие сосут нечто подобное. Главное – вера в чудо и сосание. Именно сочетание веры в чудо и сосания делает выбор осмысленным, а процесс бросания курить лёгким для каждого. Во всех ста сорока пяти случаях бросания за год.

Табачные фабрики использовали и российское, и импортное сырьё. Но бумагу для хороших папирос русская промышленность так и не осилила. Завозили папиросную бумагу из Англии и Франции. Распознать, кто что курит, было тогда легко – папиросы с отечественным табаком заворачивали в английскую белую бумагу, а вот импортный табак заворачивали во французскую желтоватую бумагу.

Естественно, все хотели желтоватую.

Нью-Йорк, 1860

Я, как вы уже понимаете, очень люблю листать старые журналы.

Вот «Русский вестник» сообщает своим читателям в 1860 году сведения про далёкий город Нью-Йорк.

Что мог прочесть россиянин из Торжка про Нью-Йорк в 1860 году? Чему удивиться?

1. В Нью-Йорке была открыта специальная тюрьма для свидетелей. В этой тюрьме содержали свидетелей разнообразных преступлений. Рядом располагалась тюрьма для преступников. Так как преступность в Нью-Йорке не имела тогда национальности, и там, и там сидели ирландцы. Но свидетелей охраняли лучше. Они имели большую склонность к побегу, «устрашённые угрозами со стороны своих родственников, содержащихся в отделении для извергов». Естественно, если преступность не имела национальности, то и правоохранение национальности не имело тоже. Поэтому ирландцев в обеих тюрьмах совершенно случайно охраняли полицейские-ирландцы.

2. В 1860 году в Нью-Йорке открыли бесплатную фотовыставку. Вход для всех желающих был абсолютно свободен, не требовалось даже галстука и благопристойных штанов. На фотовыставке были представлены концептуальные работы: карточки всех известных нью-йоркских и джерсийских уркаганов.

Жители Нью-Йорка полюбили эту выставку. Понравилась выставка и нью-йоркской полиции. «Хитрость городских в Нью-Йорке в том и состояла, что они установили тайный караул на тёмном выходе из галереи залов и тихо ловили преступников, которые с гордостью приходили смотреть на свои портреты и приводили с собой свои семьи и даже целые шайки».

3. В 1860 году в Нью-Йорке было выпущено 50 000 ящиков питательного гуммиарабика (жевательной резинки). Каждый ящик содержал по 200 фунтовых пластинок резинки, «от которой каждый джентльмен может отрезать ножом, сколько ему будет потребно для себя или угощения дам».

4. В 1860 году житель Нью-Йорка в городском парке укрылся от дождя под деревом. Упавшая ветка повредила ньюйоркцу плечо. Пострадавший обратился в суд, обвиняя власти в преступном небрежении городской собственностью, и потребовал возмещения от мэрии в 15 000 долларов. Суд удовлетворил иск горожанина, присудив выплатить ему 500 долларов.

В 1860 году плотник получал в Нью-Йорке от четырех до семи долларов в день, каменщик – шесть долларов в день. Слуги получали 25–40 долларов в месяц «на всём готовом». Повара – 60 долларов в месяц.

Курс доллара к рублю в 1860 году фиксировался как один доллар к одному с четвертью рублю серебром.

Сериалы Рима

В Древнем Риме на состязаниях гладиаторов часто давали разнообразные нравоучительные театральные представления. Естественно, что с огромным воспитательным потенциалом ставились вещи. Трагедии. Чтоб насквозь и в клочья.

В качестве актёров выступали разные преступные личности, изловленные и приговорённые к такому вот кафешантану. Живопыры, растлители, беглые отцеубийцы, поджигатели, святотатцы, дегенераты всяческие, моральные перерожденцы и прочая. Ну, вы понимаете, что современного плана люди в Риме жили, испытывая постоянные утеснения.

Таким подбором римских актёров-смертников нас не удивить. Совершенно понятно, что актёрский состав отечественных сериалов формируется примерно таким же образом. Ну, плюс ещё люди из «Мосфильма», не знаю, Центра кинематографии, выигрывают кого-то в карты, подбирают на вокзалах, в центрах поддержки гендерных отклонений. Тех, кто посвежее и без видимых признаков увечий, насилуют тут же, меж осветительных приборов. А всяких мелких спекулянтов, беженцев и олигофренов, предварительно запугав до кровавого поноса, бережно упаковывают в ящики и отправляют в кино сниматься про любовь, отдел спецрасследований и Сталина, например.

И это я считаю очень правильным. Собранные в кучу мании занимаются самолечением друг друга.

Но!

В Риме-то, говорю, всё было гораздо ловчее устроено.

Разница с обыкновенным театральным представлением заключалась в том, что осуждённые артисты не изображали мучения и смерть, а натурально мучились и гибли.

И Плутарх в «De sera num.vid», 9, и Сенека в своём 14-м письме оставляют нам картины, заставляющие радостно биться сердца отечественных театралов и поклонников отечественного кинематографа со стажем. Преступники-актёры выходили на арену в драгоценных, затканых золотом туниках и пурпурных плащах, с золотыми венками на головах, и из этих одежд внезапно вспыхивало пламя и пожирало несчастных. Марциал видел преступника, который, изображая Муция Сцеволу, держал над жаровней руку, пока она не сгорела.

Или вот, мой любимейший эпизод. Другой осуждённый, изображая Орфея, поднялся из углубления на арене, изображающей преисподнюю. Сама мать-природа, казалось, была очарована его игрой на арфе, скалы и деревья подвигались к нему, птицы порхали над ним и многочисленные животные окружали его; под конец представления он был растерзан медведем.

Обычно, вспомнив это, я громко кричу и валюсь кулем в прелую солому.

Благолепие какое. Чего ж мы-то отстаём?! Представим только на минуту малую, как всё замечательно устроится, ежели на экране наших телевизионных приёмников сгорит артель всюду снимающихся актёров. Кто-то задёргает ножками в петле, кто-то молча перекинется через перила, а одну, наиболее мерзкую актрису и режиссёра, растерзают псы.

Правда, Тертуллиан описывает случаи, при которых актёры-смертники даже умудрялись бежать в горящих туниках (римское остроумие называло такие туники «неудобными» и «болезненными» – *tunica molesta*). Но тут уж ничего не поделаешь.

Придётся самому ехать с пожарным багром и стоять за камерой – втаскивать сбежавших сызнова в кадр.

Выставка

О чём бы я мог написать сценарий, если бы мог?

О любимой белль эпок. О Париже. О Всемирной выставке в Париже 1900 года. О триумфе электричества и пара. О самообмане Европы. И о своём любимом эпизоде этой выставки.

Дело было в эпоху дремучего колониализма. Каждая из стран, кто желал, имела свою экспозицию в Колониальном отделе.

В соседних павильонах – архитектура, наука, живопись, техника, рычаг прирученные стихии огня, воды и воздуха. Человек терзает природу, приручает её, извлекает из её пасти ценности и смыслы. Эскалаторы, дизельный двигатель, 3D (в условиях 1900 года), движущиеся панорамы, русское кровельное железо на соборе Парижской Богоматери, пальма из чугуна, пирамиды из чего хочешь... Гром техники и трепет человеческого разума!

А в Колониальном павильоне уютно, чем богаты, так сказать.

Папуасики, аборигены, страховидлы всякие и такие ещё, вон, скалятся, все в национальных костюмах, татуированные, рожи зверские. Страшно и маняще. Прыгают, воют, кружатся в чувственных танцах, экстаз первобытности, гориллы-убийцы, людоеды с Борнео мастерят какие-то свои людоедские пики, обкалывают камни для топоров, обгрызают ветки для стрел. У каждой витрины с решёткой пояснительная запись от учёных. Служители мастито объясняют зрителям, откуда кого привезли из экспонатов, что они там едят и как насчёт того-с прочего-с дела у черноглазых обстоят.

Контраст неописуемый! Через дорогу троллейбус, вот и метро запустили в Париже, два вокзала, ажур чугунных узоров под куполом, хрусталь, искры, стальные балки звенят, выгнувшись, а тут вот те, кто рано или поздно, под целебным воздействием Жюль Верна, станут такими же, как европейцы. Если не переубивают друг друга из-за вкусного костного мозга.

Во французском отсеке колониального рая сидели канаки такие. С Новой Каледонии парнишки. У хижин, крытых пальмовыми листьями, сидели по-островному и мастерили себе каменные наконечники, чесались, прыгали, а потом снова за наконечники, пожуют ветку, почешут голову и кремнем о камень – огонь добывают. Поучительно смотреть. Вокруг Париж и медали за химию, а тут вот дети Тихого океана. Интересно, да.

Здесь в сценарии надо сделать красивое отступление и сказать, что канаки за стеклом прыгали настоящие, природные. Но никто из них наконечники для копий делать не мог и огонь высекать тоже. Потому как все эти канаки были сотрудниками французской колониальной администрации, которых мобилизовало французское правительство по случаю выставки – изображать из себя хрен пойми кого. По десять часов в день сиди без штанов у очага из булыжников и валяй дурака перед публикой со всего мира.

А канаки и по-канакски-то уже не говорили. Они по-французски говорили и имели техническое образование, потому как на Новой Каледонии французы всю добывали никель и марганец, которые прямиком шли на ошестинившиеся заводы Крезо, где сталь, пушки, секретная документация и смерть шпионам с дирижаблей.

Россия своего представительства в Колониальном дворце не имела, но навезла диковинок очень много. Целыми деревянными улицами. Целыми промыслами и ликёро-водочными составами. Канаки сталкивались с нижегородскими ложкорезами (тоже неплохо знавшими французский, потому как не в первый раз в Париже, а у некоторых и поступление в Академию художеств за плечами). Балакали на французском о том о сём ложкорезы и охотники за черепами. Не запирали ведь ни тех, ни других. И было о чём поговорить.

Вот выставка закончилась, а длилась она очень долго. Под выставку даже Олимпиаду вторую затеяли. Пять месяцев Олимпиада шла. Пришлось даже женщин на соревнования допустить, чтоб участвовали. Разжигали интерес к спорту через красоту и панталоны чуть ниже колен. Долго шла выставка, но закончилась.

Канаки потянулись за штанами и крахмальными воротничками, чтобы вновь стать колониальными администраторами и инженерами горнодобычи, а из министерства по колониям приказ: ехать канакам с пальмовыми листьями и каменными наконечниками в Бельгию, Данию и Германию. Там, значит, ещё повыступать. В рамках просвещения соседей о французском колониальном величии.

Канаки в Бельгии стали проситься домой, писали письма, которые робко протягивали сквозь прутья сочувствующему им уборщику. Уборщик относил письма новокаледонцев в почтовый ящик и отправлял в Париж.

Из Парижа ответа не поступает и не поступает. Дания промелькнула. Вот и Германия.

– Что, есть ответ, Куруку? – спрашивает, дубася осточертевшим кремнем по пальмовому стволу, Муруку.

– Нет ответа. Дубась давай бережнее, не в шахте, последнее бревно используем, а впереди Гамбург ещё с Бременом. Политическая обстановка нестабильна, немецкие калийные акции падают, возможны провокации... – отвечает товарищ, специалист по добыче марганца из кислых пород.

– Когда ж это закончится? А? А?!

– Да эмильзоля его знает когда...

В Германии канаки сбежали. Из поезда. В полном составе. Прихватили с собой последнее бревно и в чём были пошли на родину. На остров Новая Каледония.

Тут в сценарии я оставляю место для воображения зрителей: каково было группе канакских интеллигентов в пальмовых листьях на голое тело шариться по насквозь промилитаризованной кайзеровской, марширующей в факельных шествиях угарной Германии, готовящейся к смертельному прыжку? Как было туземцам в поисках своих, чуть было не написал «наших»?

В германском тумане, в полном кайзергейсте и дымном зареве Рура шли они со своим обгрызенным бревном на плечах, в юбках из пальмовых листьев и с птичьими костями в пышных причёсках. Домой! Через Вестфалию, через долину Неандерталь. Через границы и маршруты движений дивизий и корпусов.

Потом канаки попали на пароход, который, оказывается, шёл не в Новую Каледонию, а в Ливан. А там и Иерусалим. Потом были странствия по Османской империи к Александрии и встреча с русскими. Всего не опишешь, короче, до того прекрасно.

А теперь закольцевать надо, да. Начал-то со сценария к фильму.

На выставке 1900 года, на Exposition Universelle, по-нашему, публике впервые был продемонстрирован озвученный кинофильм.

Господи помилуй!

Читаю Стэна – «Truth about Russia». London, 1888.

Стэн был на богослужении в Исаакиевском соборе. Турист и турист. Пишет, что многие собравшиеся похожи на настоящих англичан, что полиция в церкви очень деликатно распределяет молящихся, описывает великолепие и пр. обязательный туристический набор. Я даже зевнул.

Стэн русского языка не знает и улавливает только «Господи помилуй». И тут ему внезапно вспоминается, что «Господи помилуй!» были теми самыми «грозными и страшными словами», которые французы, немцы, итальянцы, поляки, испанцы слушали ранним утром перед началом Бородинского сражения. Когда вся русская армия, преклонив колени, «молилась своей последней молитвой перед тем, как умереть».

Я люблю метаморфозы. Секундное превращение вполне обыкновенного неглупого иностранца, пришельца, чужака в человека настолько русского и понимающего Россию, что становится несколько не по себе от силы и глубины восприятия каким-то приезжим этого русского «Господи помилуй!».

«Стены гигантского храма как бы раздвинулись, свет тысячи свечей померк в моих глазах, и я забыл о блеске богослужения и о сияющих одеждах церковнослужителей... всё это исчезло, и мне казалось, что я слышу только простую и задушевную мольбу русского крестьянина, когда он в этот печальный день готовился загородить свои телом дорогу Наполеону – «Господи помилуй!», «Господи помилуй!». (р. 46)

Вот как так можно – из храма сразу на поле, полное неясности, тумана, предчувствия смертей тысяч и упорной обречённости? И это с заезжим происходит, с человеком, который потом вполне рассудочно и скучно рассуждает о политике, о крестьянах, о дорогах и булыжной мостовой...

Собеский

Я люблю читать письма короля Польши Яна Собеского своей жене. В этих письмах соединяется всё, что мне нравится: резня, любовь, идиотия, экзотика, осада турками Вены и взаимное уважение.

Описывая с подробностями своё спасение Вены – атаки панцирной кавалерии, убийства пленных, горящий императорский дворец, голод и ужас, – Ян Собеский (очень храбрый, немолодой и толстый) кропотливо перечисляет трофеи. И внезапно:

«Натолкнулись на шатёр верховного визиря, захватили знамя Магомета, золото швыряли пригоршнями, но главное не это, Марысенька! У визиря был с собой целый парк с дивными животными. Кошки в золотых ошейниках всякие, обезьянки в шапках, какие-то горбатые грызунчики. Были собачки, но какие-то не очень собой красивые и лысые. И ещё был попугай! Но он улетел – не смог его поймать. Он собой такой красненький весь с зелёной головой, и кричал. Залез за ним на дерево, а он улетел. С грустью смотрел ему вслед. Такой славный! Я такого теперь никогда не поймаю!»

За несколько часов до этого Ян III Собеский лично вёл в самоубийственную атаку крылатых гусар на ошестинившиеся позиции боснийского паши.

Ацтеки

Пил чай и смотрел на календарь. Июль, август. Какая-то невнятная ерунда.

Вот у ацтеков было всё ж повеселей с календарём.

Начнём с названий ацтекских месяцев. Выговорить их невозможно. Пока соберёшься и, глядя на шпаргалку, на третьем выдохе произнесёшь Эцалькуалистли, Панкецалистли или даже Тлакашипеуалистли, с колокольни рухнет колокол с привязанным звонарём, а по посёлку пронесутся над горящей сельской библиотекой вызванные чужестранные демоны.

Сложные названия.

При этом надо учитывать, что у ацтеков месяцев с красивыми названиями было целых восемнадцать штук плюс пять неблагоприятных дней. Конечно, если бы я составлял свой собственный календарь, то месяцев в нём было бы 71 или 152, плюс восемь плавающих недель с произвольно назначаемым количеством суток. Но и восемнадцать месяцев тоже неплохо для аграриев.

Я представляю себе сказку Самуила Яковлевича Маршака в ацтекском стиле. Сказка называлась бы, понятное дело, «Восемнадцать месяцев и пять неблагоприятных дней». Девочка, посланная мачехой за цветками опунции, вышла бы на болотистую поляну и увидела у костра восемнадцать голых мужиков, выполняющих желание предыдущей девочки.

А потом началось бы представление этих самых месяцев зачарованным маленьким зрителям ТЮЗа.

Атлькауало – имя первого месяца. В этот месяц детей приносят в жертву богу дождя Тлалоку и его братьям Тлалокам всех сторон света. В ростовском ТЮЗе роль Тлалока играл бы самый заслуженный артист, фото которого образца 1984 года постоянно висит в фойе театра, несмотря на выговоры.

Следующим стал бы весёлый месяц Тлакашипеуалистли. Месяц содранной человеческой кожи. Принесение в жертву пленников, с которых живьём сдирали кожу для танца жрецов. Жрецы надевали кожу жертв и танцевали. Тут бы девочка, возможно, забыла цель своего прихода. Кто родился в Тлакашипеуалистли, вставай, вставай, вставай!

Тосостонтли. Месяц не очень интересный. Навроде нашего марта. Принесение цветов богине Коатликуэ. Пустой месяц.

Уэитосостли. В жертву приносятся девушки с початками маиса. Любопытный в плане предполагаемого шоу месяц.

Тошкатль. Праздник бога Тескатлипоки. В жертву приносится юноша, олицетворяющий этого самого Тескатлипоку. Юноша жил год как вельможа, а теперь его волокут резать.

Эцалькуалистли. В жертву приносят разных людей, олицетворяющих тоже всякое разное. Удобный месяц для решения семейных проблем.

Текуильуитонтли. Праздник рабочих соляной промышленности. В жертву приносят женщину в образе богини солёной воды. Обычный трудовой, немного суровый праздник пролетариата.

Уэитекуиутль. Раздача продовольствия населению. Принесение в жертву женщины – богини молодого маиса. Кукуруза – царица полей.

Тлашочимако. Сбор луговых цветов и танцы.

Шокотльуэци. Праздник бога огня. В жертву приносят недорезанных ранее пленников. Холостяки лезут на столб и дерутся за куски лепёшек. Куски пленников интересуют холостяков меньше – середина года уже, практически наелись.

Очпанистли. Месяц сражений между честными женщинами и проститутками. Хороший месяц. В жертву приносят уже неважно кого. Кого-то, кого поймали среди драки порядочных и непорядочных. Праздник иллюстрирует силу мужского взгляда на жизнь.

Теотлеко. Простой сельский месяц принесения в жертву деревенских людей.

Тепеильуитль. Праздник гор! Люди лепят из теста горы и приносят в жертву пять женщин и одного мужчину. Пляски. Разбрасывание ценностей. Кто не с нами, тот под нами! ВАК! ВАК!

Кечолли. Изготовление стрел и принесение жертв Мишкоатлю. Скромный месяц.

Панкецалистли. Демонстрации вокруг столицы. Массовые жертвоприношения. Государственный праздник.

Атемостли. Убийство жертв частями ткацкого станка. Кто был в Иваново на танцах, тот поймёт.

Тититль. Хорошее название месяца. Принесение в жертву женщины-тититля, носящей всё белое. Сражения между мужчинами и женщинами, во время которых мужчины избивают женщин, уцелевших после праздника Очпанистли, набитыми мешками.

Искалли. Протыкание детям ушей и приношение их в жертву. Ушей. А раз в четыре года и детей.

Ну?! Разве не прекрасный и продуманный календарь?! По моему, чудесный. И спектакль в ТЮЗе (чем не название ацтекского месяца – «спектакль»?) получился бы гораздо занимательней и одновременно поучительней. Мол, вот такая жизнь, доча, кругом! Ты к нам за цветами пришла? Сейчас передадим полномочия братцу-месяцу Тититлю, он тебе прямо тут организует заветное.

Седа́я девочка в накинута́й на хрупкие плечи чужой коже, в окружении восемнадцати месяцев с их шаловливыми атрибутами, смогла бы прокормить целую толпу сценаристов, балетмейстеров и прочих энтузиастов-постановщиков. Мы воспитали бы наконец нормальное поколение.

Каждый ребёнок должен знать, что хоть он и ацтек, и радуется каждому праздничному месяцу календаря, есть ещё в жизни и кромешные (даже в сравнении с Атемостли) дополнительные денёчки.

Техас

Или вот Техас.

Мексике, получившей независимость от Испании, стало понятно к началу 30-х годов XIX века, что США собираются завладеть Техасом.

Мексика в 1831 году отменила у себя рабство и потребовала, чтобы и в Техасе, составной части Мексики, рабства тоже не было. А американские переселенцы в Техасе с этим решительно не согласились: как без рабства? зачем?!

И рабов в Техасе стало около двух тысяч курчавых голов. Все эти рабы были у двадцати тысяч техасских американцев, на которых напряженно смотрели пять тысяч техасских мексиканцев.

Мексика решила с американскими техасцами бороться. Сначала в Техас мексиканцы разрешили переселяться только католикам. Американцы все как один заявили, что они ещё ого-го какие католики, и немедленно понастроили десятки протестантских храмов по всему Техасу.

Потом Мексика потребовала отменить в Техасе рабство. И даже Великобритания Мексику в этом вопросе поддержала.

Так точно, смиренно ответили американские техасцы, рабству, скажем так, бой! И немедленно завезли ещё рабов. Ведь понятно, что где США, там должно быть рабство, где протестантские католики, там плантации, рыдающие по церквям рабовладельцы и месящие навоз босыми ногами негры. Тогда США не были ещё в авангарде борьбы за всеобщее счастье.

Мексиканцы решили, что самостоятельных вооружённых сил у Техаса быть не должно. «Конечно! конечно!» – закричали американские техасцы, перевозя из-за условной границы к себе на дом оружие. Вслед за оружием в Техас потянулись через границу добровольцы, которые служили в армии США, ходили в ногу, на лицах носили платки из-за скромности и пыли, являя миру чудо самоорганизации по ротам под неуловимым командованием.

Мексиканцы, наблюдая, как Техас уплывает из рук явочным порядком, стали стягивать в Техас правительственные войска. К власти в Мексике пришёл бравый военный Лопес де Санта-Ана, которого все осторожно называли «страстным авантюристом».

Американские техасцы поняли, что с Мексикой надо договариваться дипломатически, и послали в Мехико для переговоров Стефана Фуллера Остина. Тот успел сказать, что американские переселенцы в Техасе хотят быть настоящими мексиканцами, но обязательно с неграми в качестве рабов и чтобы мексиканцы никуда не совали свои носы. Только это и успел сказать. Мексиканцы Остина арестовали и потащили через центральную площадь в тюрьму, в которой Остин провёл восемь увлекательных месяцев, разговаривая с тараканами и уговаривая мышей.

Остина мексиканцы выпустили, когда на поддержку к нему явился Самуэль Хьюстон (фамилии всем знакомы, да? с духом Самуэля все американские астронавты разговаривают в фильмах, жалуясь, что кислорода осталось на три затяжки). 2 марта 1836 года Хьюстон объявил Техас независимым, а 4 марта его самого провозгласили главнокомандующим армии независимого Техаса.

Пока Техас объявлял себя независимым, Санта-Ана с четырьмя тысячами мексиканских солдат осаждал переделанную в форт часовню с пристройками, в которой укрылись 187 человек американских техасцев. Шестого марта часовня была захвачена, все защитники были перебиты. Мы получили Аламо, ещё один пример обречённого героизма защитников. Американцы получили новый миф про американские Фермопилы. Мексиканцы получили разрушенную часовню. Санта-Ане в борьбе за целостность Мексики этого показалось

мало, и он перебил ещё триста американцев в Голиаде, неподалёку от Аламо. Хьюстон вскоре напал на отдыхавшую от подвигов мексиканскую армию и захватил в плен, скандируя «Вспомните Аламо!», Санта-Ану.

В плену Санта-Ана политически перековался и 14 мая 1836 года признал независимость Техаса.

Кем была выиграна война с Мексикой? Она была выиграна специальными американцами, которые специально для этого дела приехали в Техас. Старые местные поселенцы, ради которых вроде вся эта катавасия с Аламо затевалась, в войне участия не принимали. Парадокс, честное слово, парадокс!

В независимом Техасе прошли выборы. Понаехавший Сэм Хьюстон был выбран президентом Техаса. Остина, проигравшего выборы, Хьюстон сделал вице-президентом, и в благодарность Остин помер спустя два месяца. Я это называю старой доброй деликатностью джентльменов Юга.

Столицей Техаса с 1839 года стал город Остин, а самый большой город Техаса называли, как это ни неожиданно, Хьюстон. Город Хьюстон построили на месте взятия в плен мексиканского главнокомандующего, и сегодня Хьюстон, стоящий на мексиканских костях и слезах Лопеса Санта-Аны, – самый большой город в мире, названный в честь американца.

Как только Техас стал независимым и начал строить себе столицы, в США задумались: а что теперь с ним делать-то? Зачем он тут, такой независимый? Для чего? Непонятно.

Да и в Техасе как-то зачесали в головах, пытаюсь найти ответ на этот непростой вопрос.

Для начала, строго для красоты, в Техасе легализовали рабство. Борцы за свободу от ужасной Мексики с ликованием приняли постановление, что рабы – это хорошо, и надо чтобы рабов стало ещё больше, что демократия без рабства – это какой-то нездоровый абсурд.

Борцы с рабством в США стали громко говорить, что рабовладельцы США, американский гнусный олигархоз во главе с главным упырём – президентом Джексон, специально затеяли этот балаган с Техасом. Что теперь клика Джексона присоединит независимый Техас к США, нарежет из его территории несколько штатов (а каждый штат – это два сенатора в Сенате), штаты эти будут рабовладельческими, и в США никогда не наступит отмена рабства, а, наоборот, все станут рабами Джексона и его зловещей клики.

Джексон в последний день своего президентства, когда в двери Белого дома тарабанил новый президент США, официально признал Техас независимым государством и только после этого съехал из резиденции.

Франция признала независимость Техаса в 1839 году. В ноябре следующего года независимость Техаса признала Англия. Техасом в это время управлял уже местный Бонапарт, Мирабо Бонапарт Ламар – второй президент независимого Техаса. Который начал решать в Техасе индейский вопрос, поубивал кучу команчей и чероки (выполнявших роль исконного населения Техаса) с депортацией, уничтожением и протестами и основал два знаменитых высших учебных заведения. Тогда вот так совмещать занятия можно было. Как и полагается Бонапарту, закончил карьеру послом в Никарагуа.

12 мая 1846 года США и Мексика оказались в состоянии войны. Мексиканская армия была в шесть раз больше армии США, за Мексику горой стояли Англия и Франция.

Ясно, что через неделю после объявления войны мексиканцы успели потерпеть два поражения от американцев и полностью оставили Техас, в который было бодро вторглись.

А американцы кинулись за мексиканской Калифорнией.

Credo

А давайте я вас конспирологически распотешу. Пока мои заединщики из общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев готовятся к сходке («таков морской закон»), чтобы вручить мне чёрную метку, я времени зря не теряю.

Как известно, на пороге тридцатых годов XVIII века в Англии спешно формируется оппозиция «новому масонству», явно скользящему в объятия иммигрантских якобитских центров. Доктор Дракэ из оплота масонства «старого хода», Йоркской ложи, формулирует масонское credo. Основные добродетели масона в кратком девизе звучат как «good Christian, loyal subject, true Briton». В вольном переводе: «добрый христианин, верноподданный и истинный британец».

Сравните на досуге с триадой графа Уварова («самодержавие, православие, народность»).

Фэнтези

Жили четыре племени.
На севере жили Люди рыси.
На западе жили Люди гор.
На юге жили Люди проса.
А на востоке – Люди песка.

У Людей песка было три правителя, три брата из рода Белых. Звали братьев Куропатка, Сова и Оса. Их ещё звали по именам покровителей-предков: Баран, Конь и Бык. Братья основали два города: Город воды и Камень.

Три главных талисмана власти: Золотой «солнечный» кубок, Тесак и Священный хлеб – хранились в семье у брата Куропатки.

Во владениях братьев была гора, которую все называли Общая для всей Земли. На этой горе жил великий Певец, дух Тьмы.

На севере от Белых жили Дикие. На юге – Широкие шляпы.

Дикие рвались на юг, чтобы грабить и жечь города Широких шляп. А Широкие шляпы, которые торговали по морю с Царём царей, рвались на Север, чтобы превращать Диких в рабов.

И так вот примерно два или три часа я могу, по лекалам «Игры престолов», рассказывать историю Македонии.

Секрет превращения скучноватой истории Македонии до Александра Филипповича Македонского в «захватывающий мир Д. Мартина» прост. Надо имена и названия перевести на русский и писать обязательно с Большой Буквы.

В переводе с мартиновского на обычный получится примерно так.

Коренные земли Македонии (совокупность кристаллических или, в ряде случаев, осадочных геологических массивов) населяли племена линкестов, орестиев, элимиев и эмафиев, принадлежавшие преимущественно к балкано-средиземноморской или альпийско-динарской расе и гибридным формам, отличающимся по антропологическим признакам маленькими глазницами и высоким сводом черепа, узким овалом лица, коричневыми волосами и бледной кожей. Отличительной особенностью населения Древней Македонии было преобладание среди населения носителей первой группы крови (до 63 процентов) и умеренная брахицефальность.

Чрезвычайно сильны у племён, населяющих Македонию, были пережитки тотемизма, экзогамии и номадизма. Дробность племенной организации объясняется лонгированным сроком миграции этих культур из бассейна Среднего Дуная.

Эмафии, по легендарной хронологии, управлялись одновременно тремя царями: Пердиккой, Гованом и Аэропом. Клан Пердикки, принадлежавший Аргеадам, являлся основателем и владельцем двух главных македонских городов – Эдессы и Пеллы. Вероятно, идеологическим центром Македонии была гора Пангей, на которой находилось святилище Орфея, духа Тьмы и Ночи.

Север помнит!

Нападение на Чебоксары

Немного так ожесточает сердца людей просвещённых, как провинциальное болото. Человек, умеющий считать до тысячи, невольно сжимает кулаки при виде уездных харь. И если уж будет дадена силой неба просвещённому человеку власть над косными силами тьмы, над мерзким жлобыдлом, то он уж так расстарается, так распотешится, что говорящие от ужаса по-немецки вороны ещё долго будут кружить над обгорелыми срубами.

Однажды в 1760 году директор Казанской гимназии Верёвкин был командирован в город Чебоксары для снятия с этого города плана, с обозначением улиц, площадей и домов. Директор Верёвкин взял с собой нескольких учащихся гимназистов и прибыл в Чебоксары вскорости. Друг Ломоносова медлить не любил.

Ещё он не любил полумер. Что это значит – «снять план города»? Что за ерунда?!

Директор Верёвкин велел сковать железную раму шириной в восемь саженей. К раме приклепали цепи.

Чебоксарцы притихли.

Затем директор Верёвкин запряг в раму своих учеников.

Чебоксарцы сняли со стен иконы и попрощались друг с другом.

Потом просветитель Верёвкин (находившийся к тому времени под следствием за избивание преподавателей гимназии Лейбе и Ванмеерена) сел на раму и повелел своим ученикам тащить её по улицам. Там, где рама шириной в восемь саженей (а такова была уставная ширина уездных улиц империи) не проходила, ученики Верёвкина делали отметки в спецжурнале, а на стене мешающего раме дома появлялась красная надпись: «Ломать немедленно». За рамой шли нанятые рабочие люди с кувалдами и плотницкими принадлежностями.

К третьему дню «составления плана города» учащиеся гимназии уже не могли утром встать от усталости. А ведь столько было ещё не сделано, столько косности ещё таилось по тёмным чебоксарским углам!

Директор гимназии Верёвкин кинулся на берег великой русской реки Волги и взял на абордаж несколько судов, команды которых запряг в спешно изготовленные геометрические рамы.

Город Чебоксары геометры брали с трёх сторон. Ударное северное направление Верёвкин взял на себя, а западное поручил своему ученику-любимцу. При свете смоляных факелов и ночных созвездий работа геометров шла мерной поступью научных бурлаков. Чебоксарцы перебегали с одного конца города в другой, ища хоть какой-то лазейки, но везде встречали напряжённые лица учёных.

Во время ночных геометрических занятий Верёвкин со своим лучшим учеником сидел на колокольне и составлял дальнейший план благоустройства Чебоксар. Почему ночью? Потому, что ночью можно поджигать специальные костры по углам предполагаемых кварталов, и Верёвкину было удобно.

Потом любимый ученик Верёвкина решил закрыть кожевенные чебоксарские заводы. И здесь мы сталкиваемся с первым в истории России случаем сотрудничества геометров и экологов. По мнению участников экспедиции, чебоксарские кожевенные заводы создавали вонь, несовместимую с работой по составлению плана города. Трудно рисовать будущее, когда тебя выворачивает наизнанку.

Верёвкин опечатал заводы. Кожи в июльскую жару на заводах начали гнить. Запах усилился до того, что даже привычные чебоксарцы стали ходить с мокрыми мешками на головах, натываясь на геометров (тоже в мешках), бороздящих просторы города будущего, сносящих углы и строения целиком. По ночам с колокольни раздавались приказы директора Верёвкина, перекрываемые обречённым глухим набатом.

Чебоксарские промышленники тайно решили вывезти вонючие кожи и сплавить их по Волге, чтоб как-то избежать разорения и самосуда. Но не успели подводы выехать на пристань, как из будки выбежала предусмотрительная верёвкинская засада. Промышленников начали вязать с поличным. Особенно в аресте капиталистов отличился любимый верёвкинский ученик-геометр Гаврила. Известный нам более как Гавриил Романович Державин. Пиит и предтеча.

Когда работа по составлению плана города Чебоксары была завершена, по казанскому тракту потянулся сытый обоз. Три телеги обоза везли план города Чебоксары, «придавленный каким-то подручным гнётом из связанных арестованных». Впереди обоза верхом ехали довольные геометры.

Верёвкин и Державин дружили до последних дней учителя. Были в переписке, много вспоминали. Верёвкин, например, писал своему ученику Гавриилу Романовичу: «Я ваш старичок, так разуместь себя имею право, по душевному преклонению к вам, с самого вашего детства».

Я слишком поздно родился.

Гравюра

Рылся в подарках.

Запер двери на ключ, накинул крюк, все сгрёб в центр залы. Вскочил, задёрнул шторы. Снова уселся у груди.

Рассматривал подаренную гравюру Дортона «Гонконг в 1860 году». Мне не очень нравятся гравюры Дортона, но я ценю их за подробности изображённого. На ней даже губернатор Гонконга изображён. Едет верхом.

Гонконг в 1860 году был местечком со странностями. Китайцы с острова бежали толпами. Какие-то эпидемии с каждым новым зашедшим судном, всё новее и страшнее. Слуги травят своих белых хозяев ядами. Губернатора обстреляли ядовитыми стрелами, еле оклемался.

Французский капитан Лоран вырезал половину собственного экипажа, стоя на рейде. Потом переправился на берег и начал резать местных. Поймали капитана сеткой, сброшенной с воздушного шара немцев Больке.

Повальная торговля опиумом. И над всей этой идиллией стоит упомянутый мной губернатор Джон Бауринг. Друг Карамзина, между прочим. Человек, которого высоко ценил Гавриил Державин. На руке у губернатора перстень, подаренный царём Александром Павловичем Благословенным, на шее медальон, подаренный Пушкиным.

И служит Бауринг империи – в медальоне, с перстнем, пожилой уже весьма человек устраивает облавы на желающих сбежать с Гонконга китайцев, устраивает демонстрацию канализации, разрешает всем пользоваться зеркалами.

По описаниям, был очень бодр, брился налысо, боксировал, знал под сотню-другую иностранных языков и диалектов. Активный такой был дипломат. Герой Второй опиумной войны. По итогам которой Англия, Франция и США разгромили цинский Китай, а Россия получила Уссурийский край и ещё немножко нужной территории.

Хорошая гравюра.

Пугачёв

Крестьянка Бунтова, бывшая «по согласию» четырнадцатилетней любовницей Пугачёва, рассказывала, находясь уже в преклонных годах, Александру Сергеевичу Пушкину: «Пугачёв, будучи у нас в Бёрдах, вошёл в церковь, сел на церковный престол и сказал громко: «Давненько я не сиживал на престоле!»

Брачный контракт

В этот день трудно удержаться от многого лишнего. Я и так не особо спокойный человек, а тут есть повод.

Короче, история любви.

4 марта 553 года до н. э. в городе Вавилоне молодая семейная пара: муж – Мар-бити-адду-натану и его жена Бунаниту, дочь Харицайи – взяла в банке Иддин-Мардука кредит. По их поручению агент банка по имени Даян-шум-иддин (последнее имя по месту работы выдали) купил им на кредитные деньги дом. За одиннадцать с половиной мин серебра (5,8 кг) агент приобрёл на имя молодых 94 кв. м жилой площади в районе Барсиппа.

Супруги были настроены на успех. Ипотеку погасили довольно быстро. Обзавелись в банке Иддин-Мардука кредитной историей, которую банковские служащие зафиксировали клинописью на табличках и снесли в банковский архив, располагавшийся под местным полицейским участком. Местный полицейский участок оказывал банку услуги по предоставлению охраны рабочих помещений и банковского хранилища.

Расплатившись по кредиту, супруги Мар-бити-адду-натану решили купить ещё один дом. Тоже в этом районе, такой же площади, но подешевле, для сдачи его понаехавшим в Вавилон. Муж вместе с женой пошли в канцелярию и заполнили договор. Муж брал у жены в долг 3,5 мины серебра (1,8 кг). Почти без процентов – жена же. Муж подписал вексель, заверил его, отдал жене. Подписав договор, с векселем под мышкой супруги весело отправились в полюбившийся им банк и заполнили там кредитный договор (уже совместный) на 2,5 мины серебра (1,26 кг). Новый дом решили оформить на имя мужа.

Отступление.

В VI веке до н. э. женщины в Вавилоне пользовались некоторой самостоятельностью. То есть какой там некоторой?! Обалденной самостоятельностью пользовались женщины Вавилона. Муж, конечно, мог убить свою жену. Имел право. Но ничего массового и интересного из этого права не получалось. Всё потому, что любовь, конечно. Плюс некоторые особенности имущественных отношений между мужьями и жёнами.

Брачный контракт. Он спас немало женских жизней. При всей невзрачности и крючкотворной тошноты, брачный контракт гарантировал, что в случае смерти жены муж не получал ничего из её имущества, даже копеечки малой на поминки. Все деньги от помершей жены уходили к её родственникам. Или, на крайний случай, детям.

А личное имущество у вавилонских женщин было ого-го какое! Зажиточная вавилонская девушка вносила в фундамент новой вавилонской ячейки общества пару рабов, пять-шесть кило серебра, садик, домик и т. п. И всей этой красотой самостоятельно распоряжалась. Прибьёшь такую – все деньги возвращаются к теще с тестем. Кому это надо?! Придумай супругу из ревности, а уже тесть лезет в дом: выносить пять-шесть кило серебра, и рабов ещё, старый мудака, уводит.

Какой резон дубасить супругу сырцовым кирпичом по башке, если придут её братья и всё-всё выволокут? Никакого резона я лично не вижу. Кругом кромешное рабовладение, на востоке роятся персы, готовые на своих боевых верблюдах смести с лица земли всё живое, только что отбились от Ассирии с её пирамидами из убитых пленных, в Иудее пророки бьют друг друга на конкурсе «Кто придумает будущее пострашнее?», мрак, глад и человеческие жертвоприношения буквально повсюду.

А в Вавилоне даже развестись мужику было невозможно: так, чтоб по-нормальному, чтоб намотать жиденькую косу верной спутницы на кулак, посмотреть в её глазки да и пинками за околицу метров двести проводить. Нет, в Вавилоне так было нельзя. То есть муж мог подать заявление на развод с указанием причин, но если суд решал, что причины несус-

щественные, то развод утверждали, но обязывали мужа выплатить жене чудовищную компенсацию. Плюс окаянная своё приданое с собой увлакивала помимо компенсации. Я, мол, теперь женщина свободная!

По вавилонскому законодательству женщина могла свободно распоряжаться своим имуществом (приданое, подарки, доходы от бизнеса и пр.). Могла без разрешения мужа брать и давать в долг, открывать свои предприятия, продавать, покупать и вообще омерзительно обогащаться, запихивая нажитое в свою копилочку.

Отступление закончено. Женщины могут приложить к горящим щекам ладони и посмотреть вокруг себя. Мужчины могут стать вольно и нервно покурить.

Возвращаемся с теми, кто ещё не уснул, к молодым мобильным супругам.

Купив второй дом частично на банковский кредит, частично на занятые у родной жены деньги, Мар-бити-адду загулял. Понять его можно. С этим вавилонским феминизмом на марше Мар-бити оказался должен и банку, и жене. Если что случится с ненаглядной – вообще кранты, разотрут между жерновами банкиры и родственники. Вот он и загулял.

Вот что бы сделала нормальная жена при забухавшем мужике? Она бы поплакала, посоветовалась бы с подругами, послала бы подруг на хрен после их советов, сбежала бы к маме... Да мало ли удачных методов решения семейных конфликтов в нормальных обществах?

Вавилонская жена по имени Бунаниту взяла копию кредитного договора между ней и мужем, подняла двумя руками мужний вексель и потопала напрямик в суд. В котором потребовала у протрезвевшего мужа немедленного возвращения долга.

Тут бы и кирпичом её ударить! Но вспомним, что бить жену кирпичом в Вавилоне – только тещу радовать. Жена предъявила вексель – суд обязал мужа выплатить до копейки. А из чего он выплатит? Он ещё банку должен!

Встал вопрос о продаже мужа в рабство. Не в какое-то там условное, какое-то офисное рабство, а в самое настоящее: рубить тростник и месить говно на полях под палящим вавилонским солнцем.

Перед угрозой продажи в рабство муж не устоял. И переписал дом, который они купили с женой совместно, в её единоличную собственность.

Жена второй дом с обременениями продала третьим лицам, расплатилась с банком и ещё, представьте, наварила на этом два с половиной кило серебра, которые бережно отнесла в свою копилочку.

Тут надо ещё добавить, что она при этом беременная была. Как пишет В. Белявский: «Тяжба отнюдь не нарушила согласия в семье Мар-бити-адду-натану. У супругов была дочь Нупта, но не было сына. В 551 г. они усыновили мальчика, дав ему имя Мар-бити-адду-амару. Вскоре после этого муж умер. Его вдова Бунаниту вместе с приемным сыном купила третий дом, снова при помощи банковского кредита. А в 547 г. она выиграла в суде тяжбу с братом покойного мужа, который пытался оттягать у нее имущество последнего как выморочное. Суд признал акт усыновления Мар-бити-адду-амару и вклад самой Бунаниту в приобретение спорного имущества; право собственности на это имущество осталось за Бунаниту, Мар-бити-адду-амару и Нуптой» (В. Белявский, «Вавилон легендарный и Вавилон исторический», с. 105).

С праздником вас, эмансипированные женщины России! Не надо равняться на невнятное и даже несколько опасное будущее. Добивайтесь равных прав с женщинами Древнего Вавилона. Таков мой совет на сегодняшний день. Не в «Космополитене» найдёте вы себе успокоение, а в «Корпусе клинописных архивов Вавилона VII–IV вв. до н. э.» (изд-во «Шольц и Ванцвейгер», Лейпциг, 1907.).

В качестве терапевтического музыкального сопровождения предлагается музыкальный отрывок из оперы Верди «Навуходоносор». В отрывке евреи, содержащиеся в вавилонском плену, тоскуют по родине.

Понять их тоже можно.

Людовик XIII

Как нам прекрасно известно, король Франции Людовик XIII страдал от жены, родственников, Австрии, Англии и Голландии. Брат его по имени Гастон грабил людей на Новом мосту. Самого короля преследовали эпилептиформные припадки, хронический энтерит и кожный туберкулёз. Людовик заикался, писал детским почерком, был хил, тщедушен, ревнив, замкнут, подозрителен, завистлив. Одевался чуть ли не в рваньё. Практически не умел читать.

Его терзали непорядки в стране. Людовик любил скучать. При этом всё он:

1. Любил брить других опасной бритвой и однажды побрил собственноручно всех попавшихся ему офицеров гвардии, оставив им на подбородке «лишь малюсенькие клочки волос», которые вынужденно стали модными.

2. Играл в теннис.

3. Выучился у берейтора Плювинеля верховой езде и ставил некоторые рекорды.

4. Мог проходить в день до 28 км.

5. Прославился в качестве охотника. Самостоятельно обшаривал норы, ставил силки, бросался с кинжалом на оленей и волков.

6. В 23 года научился плавать.

7. Занимался кулинарией.

8. Мог самостоятельно управлять каретой о шести лошадях. В 1635 году это умение спасло ему жизнь, когда в карету, на козлах которой он сидел, ударила молния, так что сгорел только отдыхавший в карете королевский кучер.

9. Был орнитологом и знатоком экзотических птиц.

10. Дрессировал обезьян.

11. Мог шить своим любимцам обезьянам одежду в соответствии с сезоном года и направлениями в моде.

12. Считался лучшим во Франции (после Франсуа Поммероля) знатоком оружия.

13. Чинил и собирал всевозможные механизмы.

14. Ковал в кузнице.

15. Пёк хлеб.

16. Отливал маленькие пушечки.

17. Работал на токарном станке.

18. Чеканил монеты.

19. Плёл корзины.

20. Мастерил сети.

21. Прибивал в Лувре ковры собственноручно изготовленными гвоздиками.

22. Огородничал. Собирал первые урожаи зелёного горошка, которые продавал.

23. В случае поломки экипажа в дороге Людовик вооружался топором, «брал в руки нужный инструмент и делал всё, что нужно для ремонта. Рубил дерево, распиливал его должным образом, менял колесо, дышло, ось».

24. Устанавливал и стеклил оконные рамы в Лувре.

25. Заготавливал мясо.

26. Мастерил петарды.

27. Варил варенье.

28. Был мастером по составлению ароматов.

29. Играл на лютне.

30. Был рисовальщиком, гравёром и живописцем.

31. Слыл хорошим композитором.

32. Ставил балеты.

33. Танцевал. Как героические партии – в «Любви Рено и Армиды», например, исполнил партию демона огня, – так и комические – в «Четырёх частях света» и в «Балете ради смеха». Танцевал грабителей, авантюристов, испанцев, продавцов зелени.

34. В 1633 году поставил первое модное дефиле, в котором участники двигались под музыку, «соответствующую одежде».

35. Самое известное произведение Людовика – «Мерлезонский балет». Музыка, сюжет, костюмы, постановка танцев – всё было его. Танцевал он в этом балете всего дважды. Первый раз исполнил женскую роль торговки приманками. Второй раз станцевал фермера.

36. Всем своим любовницам (точнее, двум чередовавшимся между собой – де Отфор и де Лафайет) писал стихи.

Слыл занудой и посредственностью, после смерти стал объектом разных идиотств и кривляний, часть из которых мы имели счастье наблюдать по телевизору.

История – она баба справедливая, лишний раз убеждаюсь.

Долго ли терпеть?

В Москву в 1812 году вошло, по правде говоря, две армии.

Одна армия считалась лучшей в мире. Под управлением гения. Вошла колоннами, под музыку имперских маршей. Это я о французах.

Вторая армия была самодеятельной, без всякого управления, и состояла из подмосковских крестьян, которые вошли в Москву поартельно, вразнобой и без маршей.

Москва вскоре загорелась, и две армии, демонстративно не замечая друг друга, принялись осваивать оставленные без присмотра ресурсы.

Французов больше интересовали драгметаллы. Русское крестьянство кряжисто выламывало всё способное быть полезным в непростой крестьянской жизни. В первую очередь всё железное, чугунное, основательное. Ну и мебель, разумеется.

Именно так Подмосковьё познакомилось с такой острой новинкой повседневности, как стул. Стул произвёл некоторую революцию в природном сознании подмосковных жителей. Индивидуальная площадка для сидения вместо привычной коллективистской лавки. Мобильность дизайна, способность легко и прихотливо трансформировать внутреннее пространство избы вместо векового и непоколебимого сидения вдоль стен по возрасту и почёту с бородами до пояса.

Жадное осваивание Москвы подмосковным крестьянством пылающей осенью 1812 года сделало для европеизации России больше, чем основание Санкт-Петербурга. Во всяком случае, больше, чем учреждение Академии наук вкупе с Академией художеств, это точно.

Европу из Москвы вывозили на подводах.

Это не был грабёж. Это был крестьянский Клондайк.

Москвичи, оставшиеся в городе, метались меж вестфальских гренадёров, итальянских фузилёров, Старой и Молодой гвардией и прочей прилично озверевшей солдатней. По воздуху искры, гарь, пух, чьи-то клочья летят, колокола от жара звонят сами, а из дымных закоулков выползает серо-бурая всепоглощающая крестьянская масса и по-муравьиному деловито стаскивает сапоги, самовары и конские дуги в кучи для удобства транспортировки к своим муравейникам.

Зажиточных москвичей из центра старой столицы крестьяне за русских принимали с оговорками. Проводили экспресс-диагностику русскости: не знаешь, когда День св. Триандофила-травосея Египетского, не очень твёрдо читаешь по памяти «Верую»?! Москвич, не взыщи!

Маршал Ней жил на Маросейке, рядом с Ильинскими воротами. Его адъютант, молодой такой француз, утром выходит из дома, который занимает Ней, видит, что русские крестьяне активно разбирают что-то из соседнего здания. В центре. В расположении французского корпуса. В трёх шагах от маршала Франции, герцога Эльхингенского, покорителя Европы, сокрушителя всего на свете Мишеля Нея.

Адъютант к ним. Он же молодой. И вот подходит он сначала очень решительно, погасконски так подходит, эполеты, орден Почётного легиона, аксельбанты, пропахшие порохом Бородин. И начинает этих крестьян видеть всё ближе и ближе. С каждым шагом всё отчётливее.

Сначала-то он решил всех разогнать строгим окриком, распугать всё это безобразие в лаптях, чтобы разлетелось неприятно деловитое вороньё, хлопая армяками. Но с каждым шагом решимость и задор адъютанта оставляют потихоньку. И когда он подходит совсем близко к продолжающим растаскивать какие-то кровати мужикам, то решимости у него хватает только негромко спросить, неожиданно даже для самого себя:

— А где тут, господа, госпиталь?

По-французски спросить.

Мужики его вроде и не слышат. Продолжают страдничать. Увязывают, упихивают и выволакивают. В спину адъютанту смотрят его родные солдаты, которым тоже интересно стало, чем тут дело закончится. А в лицо адъютанту смотрят русские глаза из-под бровей. И адъютант понимает, что он здесь совсем один, со своим орденом, аксельбантами и эполетами. Что сзади стена и впереди стена. И серое, огромное и безразличное небо Азии над головой. И с неба тоже кто-то смотрит на него, капитана. И что теперь делать ему? Как, куда, зачем?!

Он хватает проходящего оборванного русского мальчика, явно из благородных, и просит перевести мужикам свой вопрос. Мальчик переводит мужикам вопрос про «а где здесь госпиталь?».

Много лет спустя, став довольно известным и очень взрослым человеком, тот маленький мальчик вспоминал: «Выслушав заданный мною вопрос про госпиталь, мужик оглянулся по сторонам с какой-то невыносимой мукой и с болью в голосе произнёс: «Да долго ли нам мучиться-то? Долго ли нам тут это терпеть – то, Господи?! Оспиталь!» – выхватил железный лом и ударил француза по голове...»

Мидас

Очень показательно, что впервые в сохранившейся греческой письменной традиции о Мидасе как символе богатства сообщено в известном фрагменте элегии Тиртея, сохранившемся у Стобея. Неплохо я начал? Спорить трудно, правда?

Можно сказать немного иначе: первым о славном Мидасе как символе богатства сообщил нищим голодным спартиатам бедный инвалид-учитель, посланный афинянами в Спарту в качестве неприкрытого издевательства.

А про сверхъестественные способности Мидаса превращать окружающее в золото первым сообщил, как я понимаю, не какой-нибудь Аристофан или Софокл, не поэт и не сказочник, а суровый практик политического анализа, прагматик Аристотель в первой книге «Politica».

Мне эти два момента кажутся очень соблазнительными для сравнений и толкований.

Хотя если вдуматься, то что там осталось от Мидаса? Если верить результатам шести археологических сезонов экспедиции музея Пенсильванского университета под руководством Янга, то под курганный насыпью докиммерийского периода высотой 53 м и диаметром 250 м была обнаружена деревянная погребальная камера 6454 м. А в северо-западном углу камеры «на остатках монументальной деревянной кровати лежал скелет мужчины 61–65 лет...».

Я считаю, что это не могила, а золотое дно.

Если в городе Бари лежат мощи св. Николая, с хрустом украденные, как водится, итальянцами из Малой Азии, то могилу Мидаса можно было приспособить под настоящего коммерческого бога подарков и поздравлений. И даже поделить функции: Санта-Клаус отвечал бы за нематериальную составляющую поздравлений, сантименты, чувства и прочий душевный ад. А вот Мидаса можно было бы поднапрячь под схему материальных, подарочных отношений.

Этим подходом можно было бы несколько разгрузить христианского святого от несвойственных функций продавца и обманщика.

Итальянцы открывают Россию

К восьмидесятым годам XVIII века перед Россией встал неприятный вопрос с европейской колонизацией. Немцы, на которых делалась основная ставка в деле освоения целинных и залежных земель, перестали поступать в российские гостеприимные объятия в потребных количествах, несмотря на все наши старания. Причин тому была масса – немецкие правительства не очень радовались отъезду своих исправных подданных, постоянно вредили комиссарам-агитаторам, требовали денег. Плюс в Германию, придерживая и ёкая, вернулась часть предыдущих немецких колонистов, не выдержавших встречи с родными нам порядками и чернозёмом. Это ведь только нам, городским неженкам, кажется, что чернозём – это крестьянская мечта и агротехнический рай. На самом деле чернозём – он, конечно, питательная штука, но воду через себя пропускает с трудом и большую часть года непроходим, превращаясь в месиво. А кроме того, ты попробуй вспаши этот чернозём без тяжёленного плуга, если тебя, немца, в степь зимнюю привезли и оставили в приятном одиночестве с Библией в руках под вой скачущих к тебе радостных калмыков с арканами. Те, кто остался, стали не столько учить русских новым методам сельского хозяйства, сколько у русских учиться: как тут пахать, что сеять?

Но колонисты-то России нужны – механизм цивилизования запущен. Надо осваивать Тавриду, благословенный Крым! Потёмкин неистов! Требуем рая! А кого завозить?! Каких паразитов туда запустишь?! В Крым этот, в Тавриду эту, там же все жить боятся. Чума там каждый год, воды нет!

Петербург задумался. А потом весело хлопнул себя по пудре парика: есть же эти, как их, итальянцы! Весёлые такие, черномазенькие, живут у моря, может, и вообще не заметят перемены места жительства! Настроят себе на черноморском побережье всяческих ливорно да неаполей, заведут виноторговлю, живут бедно и весело, на всё согласные, не то что эти черти-немцы, без капризов всяких там! Приятные люди – итальянцы, будем их к себе завозить целыми кораблями!

И начали завозить.

На одном таком корабле – транспорте «Борисфен», под чутким руководством лейтенанта Власьева, готовились увидеть новые берега итальянские труженики, свежееотловленные по горам Сардинии и Корсики хлеборобы, разбавленные жертвами ночных облав генуэзских трущоб. С некоторых будущих российских землепашцев и цивилизаторов кандалы снимали только на «Борисфене». Были и добровольцы, лишь на чуть-чуть опередившие толпы провожавших их с вилами и ножами горюющих односельчан.

Командир «Борисфена» лейтенант Власьев два месяца сбора группы любовался доставшимся ему пассажирским контингентом, а потом начал своих пассажиров несколько учить: пороть, подвешивать и квасить носы. Иностранцы подданные были штыками и саблями загнаны в трюмы. И весёлый круиз начался.

Итальянцы немедленно, не прекращая красиво петь из трюма, составили заговор. Во главе заговора встал сардинский товарищ Никола Теальди. Интеллигентный медик, травивший конкурентов у себя на родине. Целью заговора было, конечно, перво-наперво перебить всю русскую команду, а самим плыть в Алжир и заняться пиратством.

Личность лидера накладывает отпечаток на весь ход замысла. Это азы революционной деятельности. Никола был медик – логично, что на общем собрании было принято решение отравить экипаж «Борисфена» опиумом, которого у переселенцев было с собой достаточно. Опиум – вещь довольно необходимая любому крестьянину.

Но потом такого полезного лекарства стало жалко, и собрание при свете сального огарка решило действовать по привычке, согласно вековым традициям: порезать всех рус-

ских ножами, поотрубить им руки-ноги, вспороть животы, побросать за борт и вдохнуть, наконец, полной грудью ветер свободы.

Пока не завёлся среди заговорщиков предатель, решили действовать немедленно. Октябрьской ночью (с 15-е на 16-е по старому стилю) 1783 года, в два часа пополудни, итальянские гастарбайтеры, все эти папы карло и джузеппе, внезапно выпрыгнули на палубу и начали резать вахту. Трёх матросов зарезали сразу, а подштурмана Любимова, боцмана Ащепкова и ещё шестерых моряков, избитых до полусмерти, сбросили в люк (примерно с десятиметровой высоты). Другие заговорщики в это время принялись убивать лейтенанта Власьева и его жену. Власьева убили несколькими ударами топора, а лидер восставших масс Теальди для верности (всё-таки медик) два раза ударил мёртвого капитана ножом в живот.

Спасти на шлюпке и баркасе удалось только десятерым русским морякам, которые в ночи и в непогоду ринулись за помощью в ближайший турецкий порт.

Захватив корабль, корсиканцы, сарды и материковые итальянцы начали радоваться, добивать матросов, жечь бумаги и делить добычу. Потом обрубил оба якорных каната и только тогда осознали, что не знают, что делать дальше, куда, собственно, плыть-то, а главное – как и за что дёргать, куда лезть, что тянуть?!

Лидер восстания неожиданно, как это у итальянцев принято, задумался. Кругом Средиземное море и звёзды, вокруг толпа пьяных друзей, уже взломавших оружейную комнату, и полная неопределённость. Из реальных ценностей только вдова капитана (француженка по происхождению) да какой-то трусоватый флорентийский дворянин Човатино Ферони, которых можно было попробовать продать на рынке в Тунисе.

Поймали подшкипера Новожёнова и, «коля тесаками», попросили начать немедленное продвижение к югу. Новожёнов внимательно выслушал пожелания собравшихся и прыгнул за борт. Коварство русских иногда не знает предела, честное слово.

В это же самое время забытый за интересными убийствами и грабежами лоцман Павел Дисеменос обрезал в трюме «штуртрос, коим руль управляется», а потом залез на «заднюю мачту и там затаился».

Подшкипер Новожёнов, кстати, до берега доплыл, истекая кровью. Ещё раз вспомним о русском коварстве.

Свободолюбивый итальянский коллектив целинников и освоителей залежных земель оказался в очень странном и неловком для себя положении. Течение выбросило «Борисфен» на мель. Утром к судну подошёл турецкий фрегат, потом подошли ещё два фрегата, с проходившего русского судна была выслана вооружённая abordажная команда под руководством капитана-молдаванина с многообещающей фамилией Драко...

А дальше уже начинается совсем российская история.

Оказавшись в турецком плену, итальянцы начали было принимать ислам, чтобы не быть выданными русским властям, но очень быстро за ними приехал русский подданный, англичанин Томас Рейн, который до перехода на русскую службу прославился тем, что «умел обходиться с подобными извергами, так как неоднократно перевозил дикарей-негров из Африки в Америку». Наверное, русский Томас Рейн всё же скучал по прежней своей работе. Океан. Корабль. В трюмах полно негров. «Это же неожиданный праздник!» – сказал он, ступив на борт «Борисфена», и улыбнулся, оглядывая закованных мятежников и утирая обшлагом непрошеную слезу. Мол, дали вспомнить навыки, спасибо, ребята, поплывём сейчас в страну весёлой Бабушки...

21 ноября 1783 года пассажиры «Борисфена» отправились в Россию, в город Херсон, где их ждала тёплая встреча, военно-полевой суд, петли, кнуты и пешая прогулка кого в Кременчугские копи, а кого – в освободившиеся после померших от оспы пленных шведов казармы.

Организатором вывоза итальянцев, сердцем этой программы «уроды в обмен на продовольствие» был Сутерланд. Будущий барон Российской империи и агент британской секретной службы.

Представитель организации

Ночью ходил к соседям толковать про вампиров и оборотней. Как представитель правого клерикализма и изрядный католик, пользовался большим успехом.

Вообще обратил внимание на то, что принадлежность к могущественной организации повышает мужские шансы на размножение многократно. Организация, конечно, должна быть несколько таинственной, но с большими неясными возможностями. Газпром, ФСО, Академия нетрадиционной медицины и космического братства, просто АН РФ, Конгрегация по вопросам вероучения (инквизиция), масонская ложа старого шотландского обычая «Perfect union». Не ДОСААФ, короче.

Хотя принадлежность к ДОСААФу – тоже неплохо. Хуже, чем к САВАОФу или к ндрангете, но неплохо, неплохо всё равно. Мужчина-одиночка подозрителен. Что это за пыльный орёл-кондор из областной библиотеки, как бы спрашивает женщину мать-природа, когда женщина зачарованно наблюдает за перебежками холостого бородатенького интеллигента в маминой вязаной кофте меж полок каталожного зала. Сегодня он здесь, тут, вон – шарит руками под диваном, где застала страсть, нащупывает свои очёчки, а завтра он в Перми, на конференции палеоботаников, а послезавтра где, где он будет, чьи несмелые аспирантские кудри будет он ласкать опытной рукой доцента? Потому как лишён корней, не повязан клятвой, а жалованье получает столь пустяшное, что его потери не заметит и бухгалтерия.

Мужчина же, принадлежащий к организации, – прекрасен! Он нужен своим коллегам в тяжёлых плащах с проводами в ушах, его ждут в снайперских гнёздах, в правлениях на сотых этажах, на номерных бортах и в забоях. И женщина думает: я его лучше буду к работе мясника ревновать, чем к Марселю Прусту – разлучнику проклятому. Или даже к самому Джойсу Улиссатому!

Вот читаю я книжки про преступные организации Италии, и душа моя, разуверившаяся было в чистоте женских помыслов, поёт и разворачивается тугим парусом под тёплым сильным ветром.

Гадкий упырёк, какой-то дон Джованни «Мотоцикл» Пириззи, восемь лет по подвалам и бункерам скрывается, общается с внешним миром записками и хриплыми выдохами в телефон, наворачивает макароны в пятнистой от соусов майке, ручки-ножки тоненькие, пузико-арбузико, а как жена его радовалась, когда штанишки его стирала да гладила! Не знала, что ль, она, что муж её – уголовный упырь и сорок человек убил? Прекрасно знала и гордилась. Не потому, что глупая и злая бабёнка, а просто по-женски приятно, что ради семьи человек так вот надрывается, по цементным цехам трупы таскает да болгаркой их разделяет. С упырём – членом организации женщина может не лукавить, что она в восторге от Шопена, а просто счастливо осознавать себя нужной, милой, загадочной. И полностью женщиной, забыл добавить. Ради которой, как она думает... и прочее, что выше по тексту.

Католики своим служителям категорически рекомендовали celibat не из-за садизма. Просто было совершенно очевидно, что если члену католической организации разрешить блудить официально, то католические служители переворошат в этом смысле всю округу. Да что там округу – всю Европу! Америку и Океанию. А что – к организации принадлежат, полны загадок, имеют прямой провод с небесами, петь могут, стихов знают, питаются правильно, главное, слушать умеют, глаз огненный делать могут, языками владеют. Ну! Вот... как тут женщинам было устоять! Феодал одинок, затравлен прогрессом, в имени бывает наездами, измождён войнами и интригами. Крестьяне – грубоваты, загружены вывозом навоза, используют только два выражения для описания чувств и один приём для

их подтверждения. А католический клир многочислен и молодцеват, способы знает самые различные... И если бы не запрет! Если бы не целибат!..

Вчера же, в гостях, вспоминали про Варфоломеевскую ночь. Я с тяжёлым подсвечником в руке отбивался от критики католицизма. Загнали в угол. Отбивался ладными своими ногами и шипел явственно. Как всегда, не удержался и закатил проповедь на сорок минут с антрактом для танцев с визгами и крюшона.

В конце проповеди люди ритмично били в ладоши, вскакивали с мест с криками: «Да, брат наш, да! Веди нас! Агнус деи, опус деи! Теодиктус! Теодиктус!» Будь в округе гугеноты какие-нибудь, какие-нибудь манихеи, какие-нибудь агностики, да хоть кто-нибудь грамотный, то ночь прошла бы ещё интереснее, в искрах и дыму, в смоляном чаде и скрипе дыбы. Я бы сидел под чёрным деревом, как Император из «Звёздных войн», и смотрел из-под капюшона, как варан пучеглазенький, на очищение уезда.

А так пришлось кататься на новой машине и врать про астрономию, я ж не знаю ничего про созвездия, а врать про Кассиопею всё равно надо.

В целом же отдохнул неплохо. Грех жаловаться.

Потому как после Варфоломеевской ночи наступает Варфоломеевское утро, а потом и Варфоломеевский день. В День св. Варфоломея, например, Влад Дракула Цепеш посадил на кол, по легенде, 30 000 человек.

Я в этом вижу прихотливую и приветливую руку позитивной истории.

Рускому языка

Как все мы прекрасно знаем, граф С. С. Уваров («самодержавие, православие, народность») совершенно незаслуженно забыт русскими филологами.

И самое обидное, что крепче всего про Уварова не помнят поклонники тартуской школы семиотики. А без графа такой школы могло бы и не быть вовсе. Да что там «могло бы»! Не было бы её совсем без графа.

Мудрецы неблагодарны. Я не такой.

С. С. Уваров был единственным человеком, который схлестнулся по языковому вопросу с Бенкендорфом. Бенкендорф не хотел ничего менять в уютном мире милой Прибалтики и хотел, чтобы в ней всё оставалось по-прежнему. На вершине прибалтийской социальной лестницы крепко расселись немцы, внизу ползали на карачках всякие латыши, эстонцы, евреи и прочий не вполне человеческий сброд. Красиво? Красиво! Надёжно? Да просто на века! Такой идиллии управления унтерменшами не было тогда даже в фатерланде!

А тут граф Уваров полез со своим русским языком в такой рай и начал всё баламутить.

Началось всё, понятное дело, с них, с евреев то есть. За пять лет (с 1836 по 1841 г.) из Курляндии вывезли в степи Херсонщины две с четвертью тысячи евреев. Эти пионеры еврейского хлебопашества поехали на Херсонщину освобождённые от всех налогов и военной повинности. Конечно, строго говоря, освоители залежных земель евреями оставались только по этническому признаку, потому как пришлось им креститься в православие. Врагу не пожелаешь такой горькой участи, но пришлось принять православие и ехать пахать свою землю. Чего только человек-еврей не сделает от безысходности! И землю пахать будет, и православным станет, а потом всё равно, конечно, уедет в Америку. Но Россию не забудет никогда, это ясно.

Провожая взглядами еврейские обозы, латышские батраки свели два и два и пришли к закономерному выводу, что теперь-то всё понятно! Надо принять православие и ехать подальше отсюда. Практичные прибалты начали приходить в город Ригу, что не очень поощрялось городскими властями.

«Что это в Ригу латыши стали заходить? С какого такого происходит эдакое безобразие?» – говорили власти Риги и гоняли латышей из города.

С лебединым криком латыши разбегались по окрестностям, преследуемые настоящими немецкими рижанами, но, отдышавшись в оврагах, вновь начинали штурм города. С единственной целью: пробраться в дом православного викарного епископа по имени Иринарх и принять это самое проклятое православие вместе с билетами в рай.

Когда делегации латышей (порой и по 300 человек) прорывались к мало что понимавшему в происходящем Иринарху, сразу начинались переговоры о переселении. Переговоры были очень содержательными и интересными. Стороны не знали не только языков друг друга, но и языка всеприбалтийского общения – немецкого. Поэтому и спорить было невозможно.

Вот сидите вы, и вы – Иринарх этот самый. Послали вас в Ригу для борьбы с русскими раскольниками, которые тут окопались и строят всякие козни. Миссия у вас важная, практически говоря, вы тут за инквизитора, нервы обнажены в экстазе борьбы, религиозные чувства обострены до предела, в каждом шорохе – ангел, в каждой скрипе – сигнал, в каждом ударе часов – призыв терзать бесов-раскольников! Синод торопит! Тучи над сектантами сгущаются, и скоро очистительная христианская гроза, подкреплённая сообразной воинской командой, сметёт с земного покрова пригревшееся под чужим солнцем старообрядческое кубло! Представляете азарт?!

И вот, напомню вам, сидите вы и из спичек выкладываете ежа или лисичку или в мыслях поете русскую песню про степь, а тут к вам на подворье вламываются блондины и чего-то требуют, указывая на крест и землю под ногами. Что надо сделать в такой ситуации, если вы человек разумный и службу знаете? Правильно – надо всех-всех для порядка переписать в специальную книгу. Потому что здесь не рынок, а храм. Потом следует выдать каждому пришедшему по катехизису, проводить гостей за ворота и написать отчёт об оперативной обстановке в Синод, оттеняя свой вклад в дело распространения истинной веры.

Иринарх так и делал. Латышей переписывали, выдавали книжку и желали счастья до новой встречи.

Радостные латыши, которые, естественно, тоже не дураки, понимали происходящее просто: всё, записали в православные, выдали книгу, собираемся на Украину! Пора нам, латышам, съезжать из этого негостеприимного ксенофобского края! Из этой Прибалтики вонючей...

Просветленные делегаты разбредались по своим селениям, разнося благую весть. Мы теперь переселенцы!

Переписанные переселенцы сразу начинали вести себя, с точки зрения немецких помещиков и пасторов, крайне вызывающе, нагло. Стали называть себя русскими, например. Тут же перестали хорошо трудиться в немецком понимании (это когда из батрацкого барака крестьяне уходят ночью на барскую землю – другой земли просто нет – и приходят в барак тоже ночью). Стали дерзить и даже физически унижать прекрасных германских управляющих.

В Петербурге схлестнулись два потока отчётов и доносов. Креститель Прибалтики Иринарх (в миру Попов) писал в Синод, что переход в православие тысяч и желание десятков тысяч обрести истинную веру – это Божий перст и немного его, Иринархова, заслуга. Генерал-губернатор Прибалтики фон дер Пален строчил, что творится в подведомственных губерниях просто кромешный ужас: псевдоправославие и поджоги, тунеядство и разбой. Немецкие бароны в две смены, без перерыва, требовали от своих петербургских родственников то введения в Прибалтику казачества для наведения порядка, то специальных капканов на людей, то приезда государя. Для немца все эти меры кажутся примерно одинаковыми по эффективности. Сотня казаков, мешок стрихнина, капкан, русский царь – всё сойдёт.

Министр внутренних дел граф Строганов пишет доклад императору Николаю Павловичу, что в Прибалтике форменный бунт! Министра поддерживает начальник III Отделения и шеф корпуса жандармов «с правами армии» А. Х. Бенкендорф. В беспорядках нашли главного зачинщика – Иринарха.

Святитель Латвии и Эстонии Иринарх аж присел от несправедливости. Примерно на год.

Вчера ещё пред нами сиял столп православия на берегах неспешной Балтики, а сегодня под градом допросов корчится чуть ли не сам Стенька Разин, чуть ли не Емелька Пугачёв. Иринарха заперли, запретили вообще подходить близко к латышам и готовили его к заключению в какой-нибудь монастырь построже, на границе с полярным кругом. Там ведь тоже много работы для подвижника, пусть он и сидит запертый в глухой келье всю полярную ночь. И с цепью на ноге можно приносить пользу.

Пока же отправили Иринарха в Воронеж, на время. До Риги Иринарх жил в Риме и Флоренции, ему и Воронеж покажется звенящей кедами Сибирью.

У латышей стали отбирать катехизисы, велели не называть себя «русскими», короче, стали снова страшно унижать.

Если мы посмотрим отчёт III Отделения за 1842 год, то прочтём там в разделе «Возмущение казённых крестьян» следующее: «Религиозное рвение Преосвященного Иринарха, даже и по отбытии его из Риги, оставило неблагоприятное в том крае впечатление. После него священник единоверческой церкви Емельянов, желая привлечь крестьян Венденского

уезда в православие, начал распространять между ними слухи, что земли, ими занимаемые...» (т. е. про переселение Емельянов уже ничего не говорит, земля станет твоей, как только крестишься правильно, ты, говорю, крестись сначала, родимый) «будут предоставлены в их собственность. Таковые внушения, а равно вредные толки псковских торговцев, бродивших по Лифляндии, и некоторые стеснительные распоряжения Министерства государственных имуществ – усилили неудовольствие лифляндских крестьян до того, что волнение между ними приняло в 1842 году оборот весьма опасный; но эти беспокойства прекращены были в самом начале... похвальной заботливостью лифляндского дворянства об улучшении быта поселян».

В этом пассаже прекрасно решительно всё: и псковские провокаторы, и священник Емельянов с его сетевым маркетингом, и заботливость лифляндского дворянства. А самое прекрасное, что все эти прибалтийские дела помещены в раздел «Возмущение казённых крестьян». Казённых! О которых усилили заботу лифляндские дворяне...

После здорового куса про Прибалтику как-то мельком в отчёте специальной службы на имя императора упоминается скороговоркой всякая суетливая повседневная мелочь: «Для умирения... в Казанской и Вятской губерниях... употреблено было огнестрельное оружие... поселяне Московской приведены в повиновение строгим наказанием»...

Что на Кавказе в 1842 году, согласно отчёту, творится? В сравнении с ужасами прибалтийского бунта, усмирённого благотворительностью немцев и восстанием под Москвой, где пришлось применять строгое армейское наказание? В сравнении с беспределом Иринарха на Кавказе был истинный рай: «Известия из Тифлиса доказывают, как признательны жители Кавказа за те попечения, которые правительство принимает об их благосостоянии». Эта фраза могла бы стать эпиграфом к любому современному отчёту и украшать затейливой вязью герб города Москвы.

Правда, в 1842 году горцы несколько раз били русские войска, но в отчёте это всё называется «переменным успехом и неудачей». Ах, ваше величество, ничего страшного! Никакого, никакого сравнения Кавказ не выдерживает с кашей, которую замутил Преосвященный Иринарх в Риге! Под Москвой запарывают крестьян-бунтовщиков, под Казанью расстреливают татар и русских. Но главная беда, по мнению главы III Отделения, творилась в Прибалтике, где латыши с эстонцами стали хуже работать и принимать православие. Форменный апокалипсис, русскими себя называют!

Начитавшись таких отчётов, Николай Павлович задумался. И удивительно быстро понял, что дело здесь нечисто, что его немецкое окружение как-то уж совсем за дурачка его содержит. Министр внутренних дел Строганов после разговора с императором принципиально меняет своё мнение. Иринарх невиновен! Синод славит чуть было не ставшего мучеником Иринарха. Генерал-губернатора Палена отзывают из Прибалтики и кидают в болото Государственного совета. Иринарха повышают до полноценного епископа Вологды и Устюга. Бенкендорф помирает на пароходе по дороге на родину, в Эстонию.

По давней традиции кто-то (это на пароходе-то, оказывается, есть «кто-то неизвестный») грабит тело шефа корпуса жандармов и главного гэбиста дочиста. Пропадают бумаги, ценности кое-какие. Часть бумаг потом всплывёт в Германии и Австрии. А ценности нет, не всплывут. Смертельно раненного Милорадовича тоже ограбили, когда он в бреду агонии лежал в гвардейских казармах. Чьи-то проворные руки поснимали с павшего за государя генерал-губернатора перстни-кольца, вынули часы. Тоже кто-то. Даже искать этого кого-то не стали. Неудобно. Ведь казармы гвардейские, тут чужие не ходят, чего искать?!

К 1848 году более ста тысяч латышей и эстонцев стали православными русскими, не зная русского языка. И эти сто тысяч стали ждать, когда настанет счастье. Где же оно? ау! ау! Счастье где-то задерживалось, власти пребывали в растерянности. Противиться пере-

ходу в православие стало так же опасно, как и содействовать ему. Сложился известный русский оригинальный букет из мозгового паралича властей и гула собирающейся под сладкий колокольный перезвон златоглавых церквей толпы с кольями, вилами и прочим инструментом.

Обстановка усугублялась тем, что, по-российски размахисто записав в православные сто тысяч с лишним человек, правительство как-то не очень собиралось отменять привилегии немцев-лютеран. Православным было запрещено заниматься торговлей с соседними краями, православным было запрещено заниматься каким-то ремеслом в городах, православные дворяне не имели права голоса в дворянских собраниях прибалтийских губерний. Такие вот порядки установили русские, захватив беззащитную Прибалтику при Петре I и его преемниках. Типичный империализм в российском исполнении. Положить солдат, взять край на штык, потом засыпать этот край милостями – такими, о каких под Волоколамском и не слышали, – потом вбухать несколько десятков миллионов в развитие захваченного края, влезть во все краевые местные дразги, пометаться между сторонами, всех попробовать помирить, на всех обидеться, выпороть случайных, наконец застыть в торжественном непонимании и дожидаться окончательного бунта, чтобы потом снова брать край на штык.

В борьбе с немецкими привилегиями и воспарил наш орёл – граф Уваров.

Петр на карусели

Даже моя богатейшая фантазия пасует перед реальностью. Воображение моё кинематографично. Но если бы мне показали в кино эпизоды путешествий, например, Петра Великого в Европу в 1711–12 гг., я бы, разумеется, не поверил ни в один эпизод. Верещал бы про клоунаду и издевательство над памятью.

Привожу простые примеры.

Вот Пётр I в 1711 году, переживший позор, разочарование и ужас Прутского похода. Когда его, победителя под Полтавой, человека, воплотившего почти все свои замыслы, уже героя, как щенка, запихивают в турецкий мешок и мешком этим трясут перед всем миром. Армия, помирающая с голоду, безвыходность, беспомощность и счастливый случай, позволивший вырваться, выползти, выскочить из смертельной ловушки. Позорные условия мирения, сдача Азова – первенца побед.

И что делает Пётр после пережитого? Я бы залез в землянку и там бы был и каялся. В короткие минуты просветления рубил бы головы сподвижникам. Жёг бы в клетках предателей. Наваливаясь на скрипящий рычаг, рвал бы сухожилия на дыбе всяким лично неприятным соседям. Возможно, начал бы писать мемуары, зачитывая части из них в утреннем морозном мареве, под колокольный низкий гул и карканье ворон, перед оборванными и трясушимися уцелевшими, окружёнными сталью штыков.

А Пётр поехал легко и немедленно в Европу.

Для начала в Дрезден.

В Дрездене Пётр познакомился с таким чудом, как карусель. Вероятно, Пётр был первым русским, кто увидел и оценил всю прелесть этого чуда. Катался на карусели Пётр (не мальчик уже совсем) до полного изнеможения. По его приказу карусель раскручивали так, что остальные катающиеся, придерживая парики, разлетались по кустам, хлопая камзолами, а Пётр, расставив ноги, упорно держал равновесие, хохоча под германским надёжным небом. Потом валился в траву и засыпал. Что он на этой карусели доказывал, кому, что из себя выжимал на этой центрифуге? Что ему снилось меж высаженных по линейке саксонских цветов и немятой германской травы?

В Дрездене Пётр жил скромно. В гостинице «Zum golden Ring».

Саксонский гофмаршал Пфлуг депеширует во дворец. При отъезде из гостиницы Пётр «взял с собой... несколько простыней и одеял и хотел было уложить собственноручно в свой багаж зелёные шелковые занавески... но, встретив сопротивление со стороны служителя, протестовавшего против этого действия, неохотно и раздосадованно уступил, взяв только две простыни из индийского ситца».

Это не жадность. Через несколько дней во Фрейбурге царь, восхищённый ночным торжественным маршем двух тысяч рудокопов в его честь, раздал восемьдесят золотых червонцев только оркестру, под который рудокопы чеканили шаг и пели свои рудокопские марши и баллады. Выкатил всем бочки вина, за всё платил щедро, не торгуясь. Вероятно, Пётр не только первым из русских катался на центрифуге, но и первым же оценил всю прелесть немецкого факельцуге под бой барабанов и синхронные выкрики: «Хох!» Не утерпел – стал показывать барабанщикам, как он, Пётр, умеет бить и «зорю», и что хочешь. Получил приз. Приз отослал Меншикову, который в это время осаждал Штеттин (Щецин по-нонешнему).

Поехал Пётр в Карлсбад, на воды целебные. Для начала записался в кружок обучения стрельбе из ружей. Показывал отличные результаты. Но на занятия ходить вскоре перестал. Выстрелил в человека, который, как Петру показалось, мешал ему целиться. В человека, как уверяют, не попал, огорчился и забросил всё это дело надолго. Мишени какие-то, правила, конкуренты – морока одна. Дайте человеку свободу!

Пошёл Пётр работать на стройку. На второй день подрался с рабочим, окунул его в известь. Пошёл на свадьбу какого-то слесаря и там отличился весёлостью и «русским обычаем целовать всех женщин в зале после каждого тоста». На свадьбе познакомился с неким токарем и выточил на чужом токарном станке три ножки для стола. Четвёртую не доточил, сославшись на огромную занятость и государственные заботы. Вечером того же дня токарь видел Петра, лезущего на гору с деревянным крестом, лопатой и мотком верёвки.

В деле потребления минералки Пётр проявил себя как вдумчивый пациент и русский турист. Вместо трёх кружек выпивал три кувшина. Считал, что раз уплочено, то чего тут кружечками баловаться. Да и всяко целый кувшин минеральной воды полезнее, чем маленькая кружечка с носиком. Это же очевидно любому разумному туристу.

Император Австрии прислал в подарок вино. Много бутылок из своего императорского погреба. Пётр самостоятельно занялся реализацией подаренного вина. За день вино, называемое теперь уже «Царское», разлетелось вмиг. Первый русский ребрендинг. На зарубежном рынке. Кому нужно поило бледных австрийских виноградников? А вот вино «Царское», продаваемое самим царём, — это ведь дело другое. Народ заплатил за ребрендинговое чудо 241 золотой талер. Пётр положил деньги под проценты и получал в год 12 талеров 25 рейхсгрошей чистого навару на вклад. Таким образом, Пётр стал первым русским, который открыл счёт в зарубежном банке.

Полюбил играть в мяч. Не признавал правил, бил по мячу руками, ногами, палкой. Наломал и раздал палки всем членам своей команды. Так и победили. Когда капитана команды соперников отоварили в пятый раз палкой по голове и утащили с поля, игра прекратилась за явным преимуществом одной из сторон. Пётр был очень рад победе. Всем подарил по гульдену. А проигравшего капитана сопровождал до его дома, торжественно шагая рядом с телегой. Там, у проигравшего, и поужинал.

В следующей своей поездке в Германию Пётр посетил памятные места, связанные с Мартином Лютером. Вздыхнул над его могилой, прошёлся по многочисленным лютеровским библиотекам и кабинетам. Пасторы нарадоваться не могли на такого восприимчивого к лютеранским чарам экскурсанта. Показали Петру знаменитое чернильное пятно с брызгами на стене, оставшееся с тех пор, как к Лютеру являлся дьявол и Лютер в дьявола запустил чернильницей. Типично протестантская история, полная намёков, но одновременно понятная всем.

Пётр долго и молча смотрел на чернила, оставшиеся на стене после дьяволова набега. Пасторы за спиной царя восково благоговели. Пётр обернулся к пасторам, рот у царя был перекошен скорбью, в левом глазу блестела слеза. Пасторы гурьбой кинулись утешать его, говорить, что дело Лютера живёт и побеждает, что учение его всесильно, потому как верно! Попросили царя расписаться на другой стене, ближе к двери, в знак своего посещения и участия в религиозном прогрессе.

Пётр расписался около двери мелом. Потом в один прыжок подскочил к чернильному пятну, которое побольше, и нацарапал рядом: «Чернила новые и совершенно сие неправда». После чего обнял двух пасторов и велел катать его по помещениям.

Как такое можно придумать?! Как такое можно экранизировать?!

А никак, и всё. Человек пережил острый посттравматический шок и остался прежним, изменяя не себя, как бывает с нами, а коверкая под себя пространство, события и порядки. Комкая их в своём маленьком властном кулачке.

«Баунти»

Всем из числа моих знакомых, управляющим коллективом, я рано или поздно рассказываю предысторию бунта на корабле «Баунти».

В фильмах предыстория показана глухо, а книги люди читать ленятся. И тут на выручку прихожу я. Распахиваю двери и возглашаю, дерзко откинув смоляные кудри с высокого лба, что сейчас начнётся поучительная лекция, и бежать всем уже очень и очень поздно. Сажусь у камина и, уставившись в огонь глазами, помнящими пламя Трафальгара, начинаю бессвязно орать, пристукивая деревянной ногой о паркет.

Как мы все прекрасно знаем, утром 28 апреля 1789 года взбунтовавшийся экипаж побросал в шлюпку восемнадцать человек неприсоединившихся к государственной измене, включая капитана «Баунти» Уильяма Блая. Не без умысла в баркас было нагружено дополнительно 150 фунтов хлеба, 32 фунта солонины, 6 литров рома, 6 бутылок вина, 125 литров пресной воды. Это был «золотой парашют» Блая, компенсация его выкидывания из руководства. А умысел был в том, что спасательный баркас осел в воду так, что в тихую погоду «борта поднимались над водой не более чем на две ладони».

Блай, как мы помним, выжил, добравшись до берега. Взбунтовавшийся экипаж поплавал некоторое время самостоятельно, а потом методично убивал друг друга на райском острове Питкерн.

Предыстория крушения руководства коммерческого проекта (а экспедиция «Баунти» была именно коммерческим проектом) такова.

Целью плавания «Баунти» была апробация системы завоза на острова Карибского моря хлебного дерева. Президент Королевского географического общества сэр Джозеф Бэнкс подготовил эту экспедицию на Таити, держа в голове прекрасную бизнес-схему: планировалось отправлять в Австралию всякую уголовную шушеру, а чтобы не гнать транспорты обратно порожняком, грузить на Таити хлебное дерево и отвозить его на Карибы для кормления рабов. Карибские острова не могли одновременно выдавать и табак, и сахар, и продовольствие для рабсилы. Ограниченные ресурсы, мало воды, мало пригодных площадей, а дело выгодное, бросать его нельзя. Из Африки везут «чёрное дерево», из Полинезии – хлебное, на Карибах они встречаются, и всё же отлично выходит!

Экспедиции «Баунти» дали прекрасного перспективного руководителя. Уильям Блай, во-первых, был участником экспедиции Кука, во-вторых, принадлежал к хай-классу и имел в роду адмиралов, то есть из Блая командир получался блатной в самом высоком смысле этого слова (блат – это, по Фасмеру, от идиш «посвящённый», «согласный», и от нем. «бумажные деньги, акции»).

Судно (собственно материальный ресурс бизнес-проекта) было выбрано с учётом стройжайшей экономии: 26 метров длиной, 7,5 метра шириной. Было на «Баунти» тесно. Вдобавок, из-за тесноты и экономии, отказались от морской пехоты, которая приходит капитанам на выручку в разных непредвиденных обстоятельствах, стреляя залпами в обезумевших альбатросов в рваных тельняшках.

Отказались и от офицеров. А это плохо. Потому как капитан – он на корабле бог и царь, он над всеми, он должен быть недосягаем и окружен сворой жестоких и исполнительных офицеров, которые обязаны брать на себя грязные подробности руководства: херачить, втыкать и проворачивать. А Блаю предоставили все это делать чуть ли не самому. Ну, это как директор фирмы ещё и вахтёром подрабатывает.

Плюс Блаю урезали жалованье, обещанное ранее. И матросы об этом узнали. Понимаете, о чём я? Матросики как-то сопоставили меры экономии и название корабля, а «Баунти» – это ведь «щедрость» в переводе, и поняли, что тут что-то не в порядке с самого начала. Что

если так всё начинается, то к исходу путешествия крысы корабельные выберутся из трюма, заберутся на мачты и начнут махать тряпками проходящим судам, моля о спасении.

Экипаж подбирали по рекомендациям. Матросики были квалифицированные (младшему члену экипажа было, как и полагается, двенадцать лет) и избалованные.

Блай был руководителем-новатором. Был гуманным таким. Сторонником передовых методов руководства, почерпнутых из сочинений. Взял с собой, например, слепого скрипача. Вот вы матрос, скажем, стоите у борта, туман, вам нехорошо после проводов, и тут видите, как по скрипящим сходням на корабль всходит, вытянув руки вперёд, слепой седой скрипач.

«Вот как! – подумаете вы. – Отлично-то как всё складывается. Что называется, в добрый путь!»

Скрипача Блай взял не просто так, а для корпоративного сплочения экипажа. Команде было приказано ежевечерне собираться на палубе и под скрипичную музыку танцевать приличные танцы, разбившись по парам. Менуэты, в основном. После танцев капитан Блай проводил обязательное богослужение с пением гимнов.

Для бережения от заразы по судну разбрызгивали уксус. Уксусом же Блай приказал каждому обтираться дважды в день. А когда Блай вытащил из своей каюты клавесин и начал по ночам играть под звёздным тропическим небом музыку, то команда окончательно убедилась, что капитан их – Морской Антихрист, или же Серый Вдоводел (мнения пропахшей уксусом и утомлённой менуэтами команды разделились).

Блай был очень доволен всем. Стукачами среди экипажа не обзавёлся, обстановку в коллективе представлял слабо. Хвалил в письмах Питера Хейвуда (шестнадцать лет, обедневший аристократ, позже примкнёт к бунту), хвалил и Флетчера Кристиана, будущего лидера восстания.

Флетчер происходил тоже из довольно аристократического рода и был любимцем команды, то есть при малейшем случае срал в заботливые руки капитана. Тем более что знакомы Флетчер и капитан были давно и дважды плавали вместе. По сути, Флетчер был заместителем Блая. И как полагается толковому заместителю, все неприятности списывал на капитана, а все успехи скромно относил на свой счёт.

Повторю, что Блай был гуманистом, но непоследовательным. А это нехорошо. Ты или зверей, или нюхай оранжерейные растения, а так, чтобы клавесин и молебны одновременно с наказаниями плетью (по 24 удара получили матросы, заподозренные в ропоте) – это коллективом воспринимается сложно. Тем более что Блай потом снова вспомнил, что он гуманист, и матроса, отказавшегося выполнять его приказ, не подверг уставному наказанию, а просто урезал ему продовольственный паёк.

Вот после этого и можно считать предысторию бунта законченной. Дальше будет бунт и другие интересности.

А кстати, один из упомянутых мной участников мятежа – Питер Хейвуд – он не пропал. Умер в 1831 году в Лондоне, капитаном флота его величества, был при этом поэтом, художником и составителем «Таитянской грамматики». Сдался одним из первых бунтовщиков, оставшихся на Таити, на обратной дороге на корабле «Пандора» содержался в цепях, чуть не утонул вместе с кораблём, спасся, был приговорён трибуналом к повешению, так как «равнодушные во время мятежа» карались смертью. Был помилован королём, продолжил службу на корабле своего родного дяди. В общем, потом не скучал.

В штатском

Особенности нашего восприятия реальности иногда меня очаровывают.

Все отчего-то думают, что охрана первых лиц государств одета в штатское для какой-то там невиданной маскировки. Это заблуждение. Достаточно просто посмотреть на торчащие из ушей витые шнуры связи, телосложение, причёски, выражение лиц охраны в штатском, чтобы понять: квадратный костюм с оттопыренными подмышками, ворочающиеся головы и особый взгляд – маскировка скверная. За версту же видно, кто, что и кого.

Так отчего же вся эта команда в штатском? Почему не держит берданки наперевес?

Ответ, как всегда в моём случае, я ищу в Древнем Риме, который с разной степенью смехотворности копировали и копируют все властители Европы и Америки.

Римские императоры охранялись преторианцами. Преторианцы были нужны для множества целей.

Основная цель содержания под боком такой прорвы гвардейцев была проста. Императорская власть в Риме – это была не просто эстафетная палочка, которую можно было получить по наследству, а можно было вырвать у предыдущего бегуна. Императорская власть в Риме – это был букет, который каждому новому императору нужно было бережно собирать. Основными компонентами этой икебаны было обязательное провозглашение главой сената (принцепсом, т. е. «первым», «ведущим») и провозглашение войсками и императором.

С сенатом было просто – вон они, расселись по местам. А вот с войсками было сложнее. Надо было держать под боком специальный контингент, который по отмашке вручал империй очередному правителю. После этого можно было собирать букет власти и дальше: становиться и тем, и вон тем, и этим. Но главное – это империй от войск. Поэтому войска нужны рядом с Римом. Входить в Рим вооружённым людям официально было запрещено.

Естественно, что на практике всё это было фикцией, но император сам был хранителем фикций. Сидит фактически монарх и изо всех сил изображает из себя духовного лидера республики, председателя парламента и хранителя демократии. И что делать императору, если он вынужден жить в Риме (чего императоры очень не любили, кстати)? Ведь как житель Рима император был обязан иметь «открытый дом», к нему должны были приходить граждане Рима, он обязан был демонстрировать открытость. Короче, терпеть приходы к себе всякой праздной публики и общаться с ней. Тут же безопасность под угрозой – больных на голову в Риме было с избытком, не считая политически озабоченных заговорщиков.

И поэтому императоров в Риме охраняли преторианцы. В штатском. Никогда императора в Риме не охраняли упыри, которых нам показывают в кино. Чтобы в латах, на шлеме целый страус, в руках мечи, и всё это в красных тонах на фоне золота. Преторианская когорта, выставлявшая утренние караулы по периметру и внутри дворца, была одета в казённые тоги. Вооружена была палками и кинжалами скрытого типа ношения. Некоторые императоры держали двери своего дворца совершенно и буквально открытыми. Охране Веспасиана приходилось висеть на подвесных балконах, чтобы с виду всё казалось невинным, но в полной готовности прыгать сверху на головы подозрительных, парашютируя на шестиметровых тогах.

При входе посетителей императора, конечно, обыскивали. Но делали это тонко и необидно. Двое-трое преторианцев радостно здоровались с вошедшим и начинали его обнимать со всех сторон. В экстремальных случаях (например, когда Август исключил из сената целую толпу сенаторов) обыскивали более решительно и всех. Даже сенаторов, которых трогать в обычное время не разрешалось. При Клавдии обыскивали даже женщин и детей. Император Клавдий был историком, иллюзий особенных по отношению к людям не питал, и отбирали при нём даже письменные принадлежности.

Пропуском «без права досмотра» был специальный золотой перстень с изображением императора. Плиний в «Естественной истории» кляузничал, что перстнями-вездеходами спекулировала императорская канцелярия, возглавляемая бывшими императорскими рабами.

Наёмные германцы, которые под видом домашней прислуги бдили внутри императорских помещений, ввели смелое нововведение: замаскированную под занавеску кольчугу, которую в случае опасности, дернув специальный шнур, мгновенно опускали между императором и подозрительными лицами. После опускания железного занавеса императора подхватывали под руки и под ноги и волокли в безопасную комнату с подземным ходом.

Почему надо было кольчугу маскировать под занавес? По той же причине, по которой преторианцам приходилось потеть в штатском, а нынешним приходится маскировать автоматы под портфельчики. Император – официальный отец народа, неудобно, если его будут охранять в камуфляже. Поэтому надо кривляться и изображать из себя не свирепого подручного, а профессора ботаники в лопающемся на спине пиджаке.

Власть обожает такие штуки: демонстрацию своего лицемерия. Именно демонстрацию, нарочитую, не способную обмануть даже обыскиваемого ребёнка. Только шмонать ребятёнка надо обязательно в штатском, в бронежилете под костюмом.

Именно это наследие Рима, наиболее усвоенное и применяемое повсеместно, кажется мне несправедливо замалчиваемым.

Драматургия

«В иных тавернах, как например «Coal-Hole Tavern», знаменитый актёр Никольсон играет роль председателя суда, а различные любители принимают на себя роли присяжных, прокуроров и адвокатов. Играют неважно, впрочем. Много переигрывают и кричат неестественным голосом слова, которые нетвёрдо выучили. Слова те пишут для них навряде авторы, живущие при тавернах пьяницы-драматурги, готовые с охотой писать всё, что им подскажет опьянённый джином мозг. Вымышленные процессы бывают почти всегда самого скандального содержания: неверность жены, несостоятельность для брака мужа, делёж наследства и обнаружение незаконных детей с их последующим убийством. Процессы эти пользуются огромной популярностью среди публики, среди которой много подонков, негров и женщин, желающих стать актрисами или поступить в услужение».

Табуриков Н. В. Новости из Англии. 1860. С. 87.

Почтмейстеры

Утомлён белым шумом про российскую страшную бестолковую бюрократию.

Вспомнилось вот для начала.

Во время обеда с соусами из протёртых плесневелых сыров к фруктам разговорились о коллаборационизме. Дозволен ли он в состоянии крайней нужды, или же он – строжайшее табу, тема заповедная, по которой ходят суровые мстители?

Скажу сразу: я противник любого осознанного сотрудничества с оккупационными властями. Но не знаю, хватит ли мне умения резать штыками часовых или рубить провода вражеской правительственной связи, вешать предателей, ставить мины и т. п. То есть к партизанской борьбе не готов.

О чём простодушно и высказался. Люди вокруг были русские, для них «пассивное несотрудничество» – это почти предательство, клеймо «полицай», «иде жидов прячете?!» и канистры с бензином у воющего человеческим голосом колхозного сарая. Я русских своих друзей прекрасно понимаю.

Я их правда понимаю.

Я не могу понять только одного. 1812 год. Москва горит, зарево не утихает, под дождём мародёры с мохнатыми ранцами и в разномастных мундирах, резня, кого-то расстреливают, кого-то, визжащего, волокут к виселице. Братцы, братцы! Не я! Не хочу! Мама!.. Склизкие ступеньки, верёвка с петлёй, кресло из графского дома с вензелями, размочаленное ударами сапогов по ножкам. Как тут быть с коллаборантством? Где взять сил, чтобы выдержать?..

Ведь можно же договориться как-то, выискать ещё здорового офицера, попытаться спасти тех, кого можно, пусть даже и нацепить при этом бонапартову кокарду?! Тем более что народ московский вступлению неприятеля в Москву никак не противится. А напротив даже, целые колонны подвод из Подмоскovie въезжают в оставляемую «порфиноносную вдову», чтобы грабить, увязывать, снимать и тащить.

Я сейчас не буду писать про архитектурного помощника Щербакова, прибившегося к свите императора, не буду писать про главу коллаборантов в Москве – купца первой гильдии Находкина, про Бестужева-Рюмина, про московского полицмейстера при французах – магистра Московского университета Виллерса, секретаря московского отделения Императорского общества испытателей природы, не напишу про Орлова – реального шпиона, посланного в лагерь Кутузова...

Я сейчас напишу про обычных таких чиновников, служивших при своих ведомствах за копеечные жалованья, которые в момент неожиданного оставления Москвы стали обладателями огромного количества денежных переводов, мешков с частной и секретной перепиской и т. п. Которые во время кроваво-огневой неразберихи, безоружные, оставленные властями, ставшие на время самой этой государственной властью, последним государственным оплотом Российской империи в старой столице, не сбивали государственных орлов и не рвали императорские флаги на почтах. А стояли незыблемыми столбиками рушащегося порядка.

Надворный советник Христофор Фихтнер.

Титулярный советник Иван Воронин.

Титулярный советник Николай Руфимский. Зарублен польскими уланами при защите государственного флага.

Коллежский секретарь Пётр Рудин, по инструкции встретивший неприятеля чиновничьей шпагой.

Коллежский регистратор Павел Рудин – контуженный бомбой, не выпускавший из уцелевшей руки сумку с важными отправлениями, растерзан толпой вестфальских гренадёров.

Все они служили по почтовому ведомству. Почтари. Сургучно семя.

Эй, Почта России! Ты бы хоть их помнила, что ли...

Штатские кувшинные рыла, которые выполнили последний полубезумный приказ – держать здания почты до крайности. До крайности, до бессильно-высокого «не положено!», до растерянно-великого «здесь вам быть нельзя!», до удара прикладом в лицо, до отрубленных рук, в которых крепко сжаты тёртые дорогами сумки с чужими письмами. С чьими-то сплетнями, признаниями, засохшими цветочками, стихами, счетами, ленточками, цифрами, жалобами и прочим, казалось бы, бумажным хламом: живым русским говором. Нельзя вам их читать, чужие злые люди! Не для вас они написаны, хоть и по-французски большей частью... Не вам это всё предназначено.

Были и другие герои, славные, честные, молодые, кудрявые, в бакенбардах, с крестами и в густых эполетах.

А я сегодня вспомнил этих: немолодых лысоватых буквоедов из Замоскворечья. Лоснящиеся на локтях рукава, бережно вытащенная из пергаментного футляра парадная треуголка...

Никого не сравниваю... Извините, что внезапно сорвалось. Просто надо успеть встать у государственного флага и перед ощущением штыка между рёбер произнести: «Сие есть территория, недосмотрению подлежащая от Пункта Договора от 13 марта 1743 года! Согласно артикула требую...»

И всё.

Генерал

Смотришь на такой портрет, и всё тебе понятно. Опухшая рожа какого-то генерала очередного. Глаза бессмысленные, апоплексический закат на щеках, помада сплошная. Штабной бурбон какой-то, николаевского стада одномысленный мясной бычок. Скорее всего, казнокрад.

На портрете перед нами Яков Иванович Ростовцев.

Происхождения простенького. Папа Иван Иванович – дворянин из купцов, мама Анна Ивановна – из миллионщиков Кусовых семьи. Не для Пажеского корпуса происхождение.

Но в Пажеский корпус Яшу приняли. Везде же люди, всегда же по-братски.

Состояние у Якова Ивановича в молодости было огромное. Плюс сестра его родная удачно вышла замуж за Александра Петровича Сапожникова, купца первой гильдии, разменяв неброское дворянство своё на рыбные промыслы Каспия и икорные лоснящиеся горы.

Яков Иванович с родственником своим Александром Петровичем дружил крепко. Не по-дворянски, а основательно, с чаепитиями, с самоваром, с полотенцами на шеях. Часы тикают, а молодые миллионеры – степенно чай из блюдец. Курить – ни-ни. Каждое утро – церковь, всё по чину. Другие стреляются и игроки крошечные, балерин голых в шубы кутают, а наши не такие. Показывали друг другу бухгалтерские книги, обсуждали вклады. Не жеребцами хвалились, а опрятным немецким бухгалтером с особой системой, приехавшим к нам.

Ну и не пили, понятно, совсем.

Александру-то Петровичу хорошо с рыбными промыслами, с балыками да икрой. А Якову Ивановичу в гвардии служить надо. А в гвардии служить было таким яковам ивановичам очень сложно.

Молодого офицера со средствами, смущённого, заикающегося, заметили. Не только невесты, но и такие персонажи, как Рылеев и Оболенский. И у офицера Ростовцева голова от политических перспектив несколько сдвинулась. Трубецкие, Оболенские, Орловы, какие имена! Запросто в гости, к столу, кругом герои!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.